

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

Страна негодяев

✦ РУССКАЯ КЛАССИКА ✦

Сергей Александрович Есенин

Страна негодяев (сборник) (Русская классика (АСТ))

В сборник вошли поэмы Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате», «Пугачев», «Песнь о великом походе» и «Страна негодяев», а также его необыкновенные стихотворения разных лет, открывающие перед читателем мир подлинных чувств и лирических переживаний.

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда – мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать.

Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!

Содержание

#1	0011
Поэмы	0012
Пугачев	0012
Песнь о Великом походе	0071
Страна негодяев (Драматическая поэма)	0094
Малые поэмы	0165
Песнь о Евпатии Коловрате	0165
Марфа Посадница	0172
Микола	0179
Русь	0184
Небесный барабанщик	0189
Весна	0192
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве	0195
Стихотворения	0204
Поэт («Он бледен. Мыслит страшный путь...»)	0204
«Под венком лесной ромашки...»	0205
«Темна ноченька, не спится...»	0206
«Звездочки ясные, звезды высокие!...»	0207
И. Д. Рудинскому	0208
Воспоминание	0209
Моя жизнь	0211
Что прошло – не вернуть	0212
Ночь («Тихо дремлет река...»)	0214

Восход солнца	0215
К покойнику	0216
Зима	0217
Песня старика разбойника	0218
Ночь («Усталый день клонился к ночи...»)	0219
Больные думы	0220
«Я ль виноват, что я поэт...»	0220
Думы	0221
Звуки печали	0222
Слёзы	0223
«Не видать за туманною далью...»	0224
Пребывание в школе	0225
Далёкая весёлая песня	0226
Мои мечты	0227
Брату Человеку	0227
«Я зажег свой костер...»	0228
Деревенская избёнка	0230
Отойди от окна	0231
Весенний вечер	0232
«И надо мной звезда горит...»	0233
Поэт («Не поэт, кто слов пророка...»)	0233
Капли	0235
На память об усопшем. У могилы	0236
«Грустно... Душевные муки...»	0237
«Ты плакала в вечерней тишине...»	0238
Берёза	0239
«Я положил к твоей постели...»	0240
Исповедь самоубийцы	0241

Моей царевне	0242
Чары	0243
Буря	0244
«Ты ушла и ко мне не вернешься...»	0245
Бабушкины сказки	0245
Лебёдушка	0246
Королева	0251
«Сохнет стаявшая глина...»	0253
Пороша	0254
«Колокол дремавший...»	0255
Кузнец	0256
С добрым утром!	0257
Юность	0258
Егорий	0259
Молитва матери	0261
Богатырский посвист	0262
Бельгия	0264
Сиротка	0265
Узоры	0271
Что это такое?	0272
Ямщик	0273
Удалец	0274
«Вечер, как сажа...»	0275
«Прячет месяц за овинами...»	0276
«По лесу леший кричит на сову...»	0277
«За рекой горят огни...»	0278
Молотьба	0279
Табун	0280

«На небесном синем блюде...»	0282
Греция	0283
Польша	0284
Черёмуха	0285
«Я одену тебя побирушкой...»	0286
«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...»	0287
Город	0289
«У крыльца в худой логушке деготь...»	0290
Старухи	0291
Разбойник	0292
Плясунья	0293
Руси	0294
«Занеслися залетною пташкой...»	0295
Колдунья	0296
«Наша вера не погасла...»	0297
Русалка под Новый год	0298
«За горами, за желтыми долами...»	0299
«Опять раскинулся узорно...»	0300
«Не в моего ты Бога верила...»	0302
«Закружилась пряжа снежистого льна...»	0303
«Скупились звезды в невидимом бредне...»	0304
«Гаснут красные крылья заката...»	0305
На память Мише Мурашёву	0306
«Дорогой дружнице Миша...»	0307
Нищий с паперти	0307
«Месяц рогом облако бодает...»	0308

«Еще не высох дождь вчерашний...»	0309
«В зеленой церкви за горой...»	0310
«Даль подернулась туманом...»	0311
«Слушай, поганое сердце...»	0312
«В глазах пески зелёные...»	0313
«Небо сметаной обмазано,...»	0313
Исус младенец	0314
«В багровом зареве закат шипуч и пенен...»	0318
«Без шапки, с лыковой котомкой...»	0320
«День ушел, убавилась черта...»	0321
«Синее небо, цветная дуга...»	0322
«Пушистый звон и руга...»	0324
«Холодней, чем у сколотой проруби...»	0325
«Снег, словно мед ноздреватый...»	0325
«Есть светлая радость под сенью кустов...»	0327
«Небо ли такое белое...»	0328
О родина!	0330
«Заметает пурга...»	0331
«Не пора ль перед новым Посёмьем...»	0332
Сельский часослов	0333
«И небо и земля все те же...»	0339
«Не стану никакую...»	0340
Акrostих «Рюрику Ивневу»	0341
«В час, когда ночь воткнет...»	0342
«Вот такой, какой есть...»	0343
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	0344

«При луне хороша одна...»	0345
Песнь о хлебе	0345
Памяти Брюсова	0347
«Заря Востока»	0348
Воспоминание	0351
Льву Повицкому	0353
Цветы	0354
Батум	0359
Как должна рекомендоваться Марина	0364
«Пускай я порою от спирта вымок...»	0365
«Вижу сон. Дорога черная...»	0366
Капитан Земли	0367
«Я помню, любимая, помню...»	0370
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	0372
«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...»	0374
Стихи на случай. Частушки	0376
«Пророк» мой кончен, слава Богу...»	0376
«Перо не былница...»	0376
«Любовь Столица, Любовь Столица...»	0377
Частушки (О поэтах)	0377
«Ох, батюшки, ох-ох-ох...»	0379
«Не надо радости всем ласкостям дешевым...»	0379
«Не стихов золотая пена...»	0380
«Если будешь...»	0380
«За все...»	0381
«Эх, жизнь моя...»	0381
«Милая Параскева...»	0382

Клавдии Александровне Любимовой	0383
«Калитка моя...»	0384
«Никогда я не забуду ночи...»	0385
«Самые лучшие минуты...»	0386
«Милый Вова...»	0386
«Пил я водку, пил я виски...»	0387
«И так всегда. За пьяною пирушкой...» . . .	0387

Сергей Есенин
Страна негодяев (сборник)

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Поэмы

Пугачев

Анатолию Мариенгофу

1

Появление Пугачева в Яицком городке

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

*Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?*

*Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.*

*Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.*

Наконец-то я здесь, здесь!

Рать врагов цепью волн распалась,

*Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.*

Яик, Яик, ты меня звал

Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабыи глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь
долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно

Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари за-
стенки,
Гонится овес на водопой рысцой
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозя-
ек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью
Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались
вожжи,
С первых дней, как умер третий
Петр,
Над капустой, над овсом, над ро-
жьёю
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

*И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапщ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.*

*Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.*

Пугачев

*Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой
хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?*

Сторож

*Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая но-
ги трав?
Оттого что стоит трава на ко-
рячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,*

Потому что не может она, как
птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в
избы,
Что нам первый ряд подкошенной
травы?
Только лишь до нас не добрались
бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш
тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

Пугачев

Как Петра? Что ты сказал, старик?

.....

Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,

*Сильней громов раскатится над
нами.*

*Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый
бросил камень.*

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

*Я положил себе зарок молчать до
срока.*

.....

*Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не
удалось.*

Сторож

*Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кро-
вать,*

И четверо на ней спит ребяتيشек.

Пугачев

*Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любую
крышей.
Прощай, старик!*

Сторож

*Храни тебя Господь!
.....
Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих
плоть,
Из края в край в твоих просторах
шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в
пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя
гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на
каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.*

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

2

Бегство калмыков

Первый голос

Послушайте, послушайте, по-
слушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких ки-
биток
От Самары проползло на Иргиз.
От российской чиновничьей нево-
ли,
Оттого что, как куропаток, их
щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Второй голос

Только мы, только мы лишь мед-

лим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,
Сюда едут на страшное дело вас
сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казаки

К черту! К черту предателей!
.....

Тамбовцев

Сми-рно-о!
Сотники казачьих отрядов,
Готовьтесь в поход!
Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд

Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не мо-
жем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране:
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия – мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу,
стрелять.
Он ушел, этот смуглый монго-

*леи,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.*

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

*Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шею,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью
жить.*

Казаки

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

*Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись...*

Кирпичников

*Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.*

Траубенберг

*Это измена!..
Связать его! Связать!*

Кирпичников

*Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать
уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.*

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Там-

бовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О Господи! Ну что я сделал?

Первый голос

*Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.*

Второй голос

*Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.*

Третий голос

Черта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его – и баста!

Кирпичников

*Пусть знает, пусть слышит
Москва —
На расправы ее мы взбыстрим.*

*Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый вы-
стрел.*

*Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия – пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.*

3

Осенней ночью

Караваев

*Тысячу чертей, тысячу ведьм
и тысячу
дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный
дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!
Экий скверный дождь!*

*Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,*

Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов – зеленых вербеныт,
По горлу их скользнул сентябрь,
как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь!

О осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.

*Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных
стран.*

*С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придуренная
чернь*

*С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое ти-
ли-ли-день,*

*Быть может, здесь мы больше не
услышим!*

Но что там? Кажется, шаги?

Шаги... Шаги...

Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачев

Свой... свой...

Караваев

Кто свой?

Пугачев

Я, Емельян.

Караваев

А, Емельян, Емельян, Емельян!

Что нового в этом мире, Еме-

льян?
Как тебе нравится этот дождь?

Пугачев

Этот дождь на счастье Богом
дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю
ночь.

Караваев

Да, да! Я тоже так думаю, Еме-
льян.
Славный дождь! Замечательный
дождь!

Пугачев

Нынче вечером, в темноте скры-
ваясь,
Я правительственные посты
осмотрел.
Все часовые попрятались, как зай-
цы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только
мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б на-
ши ножи,
Всех бы солдат без единого вы-

стрела

В сонном Яике мы могли уложиться...

Завтра ж к утру будет ясная погода,

Сивым табуном проскачет хмарь.

Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!

Я умею, на сутки и версты не трогаясь,

Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого что в груди у меня, как в берлоге,

Ворочается зверенышем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом

подожженной,

И сентябрьского листоleta протяжный свист.

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок

Смотрит на луну,

Как на вьющийся в ветре лист?

По луне его учит мать

*Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый,
знать
И призыванье свое и имя.*

*.....
Я значенье мое разгадал...*

Караваев

Тебе ж недаром верят!

Пугачев

*Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной
душой —
Тот медведь, тот лиса, та волчи-
ца,
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником
мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь
клыки.*

Караваев

*Да, да! Я тоже так думаю, Еме-
льян...
И если б они у нас были,
То московские полки*

Нас не бросали, как рыб, в Чаган.

*Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.*

Пугачев

*Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежны-
ми
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...*

.....

*Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих
пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б...
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу*

*Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!*

*Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.*

4

Происшествие на Таловом умёте

Оболяев

*Что случилось? Что случи-
лось? Что случилось?*

Пугачев

*Ничего страшного. Ничего
страшного. Ничего
страшного.*

*Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада бараш-
ковые.*

*Мокрою цаплей по лужам полей
бороздя,
Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,*

*И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборван-
ный монах,
Пророчит кому-то о погибели ве-
ще.*

.....
*Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.*

Караваев

*Да, да! Мы придумали кой-что по-
хлеще.*

Пугачев

*Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с пару-
сом низким?
По-звериному любит мужик наш
на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи
большие сиськи.*

От песков Джигильды до Алаты-

ря
Эта вестъ о том,
Что какой-то жестокий пово-
дырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее безмя-
сой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясы-
вая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками
своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караваяев

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

*Разве важно, разве важно, разве
важно,
Что мертвые не встанут из мо-
гил?
Но зато кой-где почву безвлаж-
ную
Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? – Злой и дикой ора-
ве? —
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту леп-
тою,
Месть щенками кровавыми ще-
нится.
Кто же скажет, что это свиреп-
ствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!*

Я ж хочу научить их под хохот
сабель
Обтянуть тот злоеущий скелет
парусами
И пустить его по безводным сте-
пям,
Как корабль.
А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый
флот.

.....
.....

Послушайте! Для всех отныне
Я – император Петр!

Казачи

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как гор-

шок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не
стану,
Но должны ж вы, должны по-
нять,
Что этим кладбищенским пла-
ном
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьют-
ся
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы сквер-
ные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и ма-
том,
Кто без сабли – так бей кирпи-
чом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев

*Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...*

Караваев

Да, да, не Емельян, а Петр...

Пугачев

*Братья, братья, ведь каждый
зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инаем.*

*Трудно сердцу светильником ме-
сти
Освещать корявые чащи.
Найдите, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.*

*Больно, больно мне быть Пет-
ром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенча-
тый дом,
Не всегда перестроишь наново...
Но... к черту все это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!*

Нынче ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.

5

Уральский каторжник

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

Я три дня и три ночи искал ваш умёт,

Тучи с севера сыпались каменной грудой.

Слава ему! Пусть он даже не Петр!

Чернь его любит за буйство и удаль.

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,

В солонце рыл глазами удачу,

Ветер волосы мои, как солому, трепал

И цепами дождя обмолачивал.

Но озлобленное сердце никогда не
заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелег-
ко.
Оренбургская заря красношерст-
ной
верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот мо-
локо.
И холодное корявое вымя сквозь
тьму
Прижимал я, как хлеб, к исто-
щенным векам.
Проведите, проведите меня к
нему,
Я хочу видеть этого человека.

Зарубин

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере?
Отчего глаза твои,
Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой
влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из па-
сти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщи-

ки?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

Хлопуша

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою
душу.
Ах, давно, знать, забыли в этой
стране
Про отчаянного негодяя и жулика
Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные раз-
ведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонет-
чик.

Но всегда ведь, всегда ведь, рано
ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы
терний.
Заковали в колодки и вырвали
ноздри
Сыну крестьянина Тверской губер-
нии.

Десять лет —
Понимаешь ли ты, десять лет? —
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось
мне жить?
Что жестокостью сердце устало
хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Все равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари жел-
тый гроб,
Кандалы я сосал голубыми рука-
ми...

Вдруг... три ночи назад... губерна-
тор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...
«Слушай, каторжник!
(Так он сказал.)
Лишь тебе одному поверю я.
Там в ковыльных просторах ре-
вет гроза,
От которой дрожит вся империя,

Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,
И дворянские головы сечет топор

Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?
(Так он сказал, так он сказал мне.)
Вот за эту услугу ты свободу найдешь
И в карманах зазвякает серебро, а не камни».

Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.
Проведите ж, проведите меня к нему.
Я хочу видеть этого человека!

Зарубин

Странный гость.

Подуров

Подозрительный гость.

Зарубин

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

*Их немало, немало, за червонцев
горсть
Готовых пронзить его сердце.*

Хлопуша

*Ха-ха-ха!
Это очень неглупо.
Вы надежный и крепкий щит.
Только весь я до самого пупа —
Местью вскормленный бунтов-
щик.
Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Все равно ведь, все равно ведь, все
равно ведь,
Не сожрешь – так сожрут тебя
ж.
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!*

*Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.*

Зарубин

*Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.*

Подуров

*Мы сейчас же, сейчас же пошлем
тебя в бой
Командиром над нашей конницей.*

Хлопуша

*Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь все ж у вас нет артиллерии?
Но ведь все ж у вас пороху нет?*

*Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едко-
стью лют.*

*Знаю я, за Самарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать.
Только надо сейчас же, не откла-
дывая,
Всех крестьян в том краю взбун-
товать.
Стыдно медлить здесь, стыдно
медлить,
Гнев рабов – не кобылий фырк...
Так давайте ж по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.*

6

В стане Зарубина

Зарубин

*Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь – и след про-
стыл.
Месяц, желтыми крыльями хло-*

ная,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынувшие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз – стога?..

Слушай, люд честной, слушай,
слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско вы-
ставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и при-
стани.

Шигаев

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слышал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой
ольха,
Капая желтым мозгом,

Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей
отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже кам-
ня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное
знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По ту раз на лету будет склевы-
вать птица
Желудочное свое серебро.

Торнов

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воят слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!

Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

Зарубин

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от такой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь – не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —

Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит
конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя
беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая
труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остоло-
пов,
И весь дикий табун деревянных
кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутови-
щем.

Зарубин

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,

*Звань к оружью под каждой окон-
ницей.*

*Знаю я, нынче ночью идет на Ка-
зань*

Емельян со свирепой конницей.

*Сам вчера, от восторга едва ды-
ша,*

*За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черем-
шан*

С артиллерией тысячи телег.

*Как торжественно с хрипом ко-
лесным обоз*

*По дорожным камням грохотал.
Рев верблюдов сливался с бляени-
ем коз*

И с гортанною речью татар.

Торнов

Что ж, мы верим, мы верим,

Быть может,

Как ты мыслишь, все так и есть;

Голос гнева, с бедою схожий,

Нас сзывает на страшную месть.

Дай Бог!

Дай Бог, чтоб так и случилось.

Зарубин

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а нежданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин,
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоят в небо кровавый туман.
Гудом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, —
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

7

Ветер качает рожь

Чумаков

Что это? Как это? Неужель
мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал
кровь зари лакать.
О, эта ночь! Как могильные пли-

ты,
По небу тянутся каменные обла-
ка.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла
под Сарептой,
И глядишь и не видишь – то ли зы-
бится рожь,
То ли желтые полчища пляшу-
щих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпа-
ются овсы,
Когда ветер по полям их коло-
тит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите,
кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая
сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок ты-
сяч,
И все сорок тысяч за Волгой лег-
ли, как один.
Даже дождь так не смог бы тра-
ву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы на-
ши они.
Что это? Как это? Куда мы бе-
жим?

Сколько здесь нас в живых осталось?

От горящих деревень бьющий лапами в небо дым

Расстилает по земле наш позор и усталость.

Лучше б было погибнуть нам там и лечь,

Где кружит воронье беспокойным, зловещим

свадьбищем,

Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,

Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав!

Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.

Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться

по золоту трав

И шишать черных галок с крестов голубых

колоколен.

Все, что отдал я за свободу черни,

Я хотел бы вернуть и поверить
снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час ве-
черний,
Зажигает фонарщик из города
Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти
звезды —
не звезды,
Что это – желтые бабочки, ле-
тящие на лунное
пламя...
Друг!..
Зачем же мне в душу ты ропо-
том слезным
Бросаешь, как в стекла часовни,
камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную хо-
лодную душу —
Околевшего медвежонка в тесной
берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге за-
резали Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Та-
бинском остроге?

Наше войско разбито вконец Ми-
хельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к
Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном
стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как
кленовые листья,
грязью?
Гибель, гибель стучит по дерев-
ням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам
укрыться?
Посмотри! Там опять, там
опять за опушкой
В воздух крылья крестами броса-
ют крикливые птицы.

Бурнов

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу
умереть!
Эти птицы напрасно над нами
вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с
осинника медь,
Подставляя ладони, как белые
скользкие блюда.

Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поме-
стится,
Когда в Пензенской губернии у ме-
ня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко ме-
сяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благосло-
венны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю все-
ленную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золото-
ротцем,
Лишь бы видеть, как мыши от ра-
дости прыгают
в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки
от восторга
поют в колодце.
Яблоневым цветом брызжется
душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради Бога, научите меня,

Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть
в человечесьем саду!

Творогов

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли наш заговор
безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в
небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана.
Это не тяжелее, чем хруст ломаемых
в теле костей,
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих
нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,

Вас развезят солдаты, как туш,

на какой-нибудь

площади,

И дурак тот, дурак, кто жалеть

будет вас,

Оттого что сами себе вы придумали

тернии.

Только раз ведь живем мы, только

раз!

Только раз светит юность, как

месяц в родной

губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя

на Суре,

Там в окно твое тополь стучит-

ся багряными листьями,

Словно хочет сказать он хозяину

в хмурой

октябрьской поре,

Что изранила его осень холодны-

ми меткими

выстрелами.

Как же сможешь ты тополю помочь?

Чем залечишь ты его деревянные раны?

Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь

Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,

Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.

Но уж старые листья на нем не взойдут никогда —

Их растащит зверье и потопчут прохожие.

Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?

Что, набравши кочевников, может снова удариться в бой?

Все равно ведь и новые листья падут и покроются грязью.

Слушай, слушай, мы старые ли-

стья с тобой!

*Так чего ж нам качаться на го-
лых корявых ветвях?*

*Лучше оторваться и броситься в
воздух кружиться,*

*Чем лежать и струить золотое
гниенье в полях,*

*Чем глаза твои выключают черные
хищные птицы.*

*Тот, кто хочет за мной, – в доб-
рый час!*

*Нам башка Емельяна – как челн
Потопающим в дикой реке...*

*Только раз ведь живем мы, толь-
ко раз!*

*Только раз славит юность, как
парус, луну вдалеке.*

8

Конец Пугачева

Пугачев

*Вы с ума сошли! Вы с ума со-
шли! Вы с ума сошли!*

*Кто сказал вам, что мы уничто-
жены?*

*Злые рты, как с протухшею пи-
щей кошли,*

Зловонно рыгают бесстыдной ложью.

Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,

Кто сумел окормить вас такую дурью.

Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей

И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,

Но затем-то и злей над туманной вязью

Деревянными крыльями по каспийской воде

Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.

О Азия, Азия! Голубая страна, Обсыпанная солью, песком и известкой.

Там так медленно по небу едет луна,

Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.

Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо

Скачут там шерстожелтые гор-

ные реки!
Не с того ли так свищут мон-
гольские орды
Всем тем диким и злым, что си-
дит в человеке?

Уж давно я, давно скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочую-
щим станам,
Чтоб разящими волнами их свер-
кающих скул
Стать к преддверьям России, как
тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, про-
хвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусли-
вой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны осед-
лать лошадей
И попасть до рассвета со мною в
Гурьев.

Крямин

О смешной, о смешной, о смешной
Емельян!
Ты все такой же сумасбродный,
слепой и вкрадчивый;
Расплескалась удаль твоя по по-

лям,
Не вскипеть тебе больше ни в ка-
кой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монголь-
ский народ,
Нам ли храбрость его неизвест-
на?
Кто же первый, кто первый, как
не этот сброд
Под Самарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая
гнусь
Выбирала для жертвы самых сла-
бых и меньших,
Только б грабить и жечь ей погра-
ничную Русь
Да привязывать к седлам добычей
женщин.
Ей всегда был приятней набег и
разбой,
Чем суровые походы с житейской
хмурью.
.....
Нет, мы больше не можем идти
за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на
Каспий, ни в Гурьев.

Пугачев

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом
иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели ме-
чи?
Неужель это плата за все, что я
выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не мо-
жет быть!
Не на то вы возрастали в степных
станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить сми-
риться.
Вы должны разжигать еще боль-
ше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших
стран дул...

Смело ж к Каспию! Смело за
мною!
Эй вы, сотники, слушать коман-
ду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасброд-

ство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок...
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
Все равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

Пугачев

Как? Измена?
Измена?
Ха-ха-ха!..

*Ну так что ж!
Получай же награду свою, собака!*

(Стреляет.)

Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пятится к стене.

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

Бейте! Бейте прямо саблех в морду!

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Тащите его за бороду...

Пугачев

*...Дорогие мои... Хор-рошие...
Что случилось? Что случилось?
Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?*

*Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?*

.....

*...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...*

*...Это она!
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.*

Творогов

*Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!*

Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской рез-
не,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени
медь,
Мак зари черпаками ветров не вы-
хлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правитель-
ства.

Пугачев

Где ж ты? Где ж ты, бывшая
мощь?
Хочешь встать – и рукою не мо-
жешь двинуться!
Юность, юность! Как майская
ночь,
Отзвенела ты черемухой в степ-
ной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь
ночная над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих пере-
лесиц.
Золотою известкой над низень-
ким домом

*Брызжет широкий и теплый ме-
сяц.*

*Где-то хрипло и нехотя кукарек-
нет петух,*

*В рваные ноздри пылью чихнет
околица,*

*И все дальше, все дальше, встрево-
живши сонный луг,*

*Бежит колокольчик, пока за го-
рой не расколется.*

Боже мой!

Неужели пришла пора?

*Неужель под душой так же пада-
ешь, как под ношей?*

А казалось... казалось еще вчера...

*Дорогие мои... дорогие... хор-ро-
шие...*

Март – август 1921

Песнь о Великом походе

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая.
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ.
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй – про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие.
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

* * *

Услыхал те слова
Молодой стрелец.

Хватъ смутьянищика
За тугой косец,
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю.
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»

* * *

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю, во двор.
Выходил тут царь
С висока крыльца,
Мах дубинкою —
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»

«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну, – сказал тут Петр, —
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак.
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

* * *

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу – мочало.
Это только, ребята,
Начало.

* * *

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит – дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговорит наш царь,
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.

Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
“Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумеи, помри!
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.

Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем.
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд”.
Смолк наш царь,
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

* * *

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший!
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,

Чай, не птичий!
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай!

* * *

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня,
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подзёмный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд!
Мы сгребем дворян —
Да по плечи им,

На фонарных столбах
Перевешаем!»

* * *

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ —
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

* * *

Веселись, душа
Молодецкая!

Нынче наша власть,
Власть Советская!
Офицерика,
Да голубчика,
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина —
За донского казака
За Каледина.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

* * *

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть Советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

И на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

* * *

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы голем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать.
Чтоб шумела рожь
И овес звенел.
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

* * *

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».

* * *

От одной беды
Целых три растут.
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ!
Как под Питером
Рать Юденича!»
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят.

Ой ты, бедный люд!
Ой ты, Питер-град!

* * *

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож!
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костью полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

* * *

А за синим Доном
Станицы казачьей

В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным!
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дуная».

* * *

Ой ты, атамане!
Не вожак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный!
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

* * *

Если крепче жмут,
То сильней орешь.

Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина,
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девочек лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь! бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».

* * *

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад.
На родимой стороне
Никто жить не рад.

Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь.
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

* * *

Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

* * *

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней не спит.
Миг – и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай, мечта
Городов и сел...

Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее,
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней.
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!..»
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

* * *

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.

И от стоны, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить!
У Деникина
Аж живот болит.

* * *

Эх, песня!
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

* * *

Ах, яблочко,

Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой!
Цветик маковый!
Ты скорей, адмирал,
Отколचाкивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром.
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

* * *

В белом стане вопль,
В белом стане стон.
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом

Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

* * *

В красном стане храп.
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

* * *

На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной

Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут.
Будет крыть нас плеть.
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, – сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене».

* * *

На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд.

А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

* * *

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз.
Я их сам теперь
Износить горазд».

* * *

Вот и кончен бой,

Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

Июль 1924 г. Ленинград

Страна негодяев (Драматическая поэма)

ПЕРСОНАЛ

Комиссар из охраны железнодорожной линии **Чекистов**.

Замарашкин – сочувствующий коммунистам. Доброволец.

Бандит **Номах**.

Рассветов.

Комиссары приисков **Чарин**.

Лобок.

Комендант поезда.

Красноармейцы.

Рабочие.

Советский сыщик **Литза-Хун**.

Повстанец **Барсук**.

Повстанцы.

Милиционеры.

Часть первая На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

*Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С б..... холодом
И такой темнотой,*

*С тем, что нужно без устали
Бельма перить.*

.....

Стой!

Кто идет?

Отвечай!..

А не то

*Мой наган разmozжит твой че-
реп!*

Стой, холера тебе в живот.

Замарашкин

Тише... тише...

Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих

Даже у будки краснеют стены.

И с чего это, брат мой,

Ты так неистов?

Это ж... я... Замарашкин...

Иду на смену...

Чекистов

*Черт с тобой, что ты Замарашкин!
Я ведь не собака,
Чтоб слышать носом.*

Замарашкин

*Ох, и зол же ты, брат мой!..
Аж до печенок страшно...
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом...*

Чекистов

*Ну конечно, страдаю!..
От этой проклятой селедки
Может вконец развалиться брюхо.*

О!

Если б теперь... рюмку водки...

Я бы даже не выпил...

А так...

Понюхал...

.....

Знаешь? Когда эту селедку берешь

за хвост,

То думаешь,

Что вся она набита рисом...

Разломаешь,

Глядь:
Черви... Черви...
Жирные белые черви...
Дьявол нас, зная, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный
год!
Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чертова вьюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мель-
ник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,

*И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный му-
жик!
Коль живет он в Рязанской губер-
нии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...*

Замарашкин

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.*

Чекистов

*Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром*

Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи
лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

Замарашкин

Черт-те что ты городишь, Чеки-
стов!

Чекистов

Мне нравится околёсина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.

Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел...

Слышатся шаги.

*Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Черт бы взял этого мерзавца Но-
маха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.*

Замарашкин

*Я думаю, этой ночью он не при-
дет.
Нынче от холода в воздухе
Дошли птицы.
Для конницы нынче
Дорога скользка, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.*

*Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело
дерево...*

Чекистов

*Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей
стужи.
А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..*

Замарашкин

*Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!*

Чекистов

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

Ссора из-за фонаря

Некоторое время Замарашкин расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Номах.

Номах

Что говорил тебе этот коммунист?

Замарашкин

Слушай, Номах! Оставь это дело. Они за тебя по-настоящему взялись.

*Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.*

Номах

*Ну так что ж!
Для ворон будет пища.*

Замарашкин

Но ты должен щадить других.

Номах

Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бан-
дитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский
двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Замарашкин

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.

*Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.*

Номах

*Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правите-
лем?
Пусть те, кому дорог хлеб,
Называются гражданами и жи-
телями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!*

Замарашкин

*Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски
прав,
Но все ж... Я тебе желаю*

Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?

Номах

Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от
многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычай чтут как науку,
Да только какой же в том смысл
и прок,

Если многие громко сморкаются
в руку,
А другие обязательно в носовой
платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.

*Я потерял равновесие...
И знаю сам —
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звездах...
Но...
Главное не в этом.
Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи —
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.*

Замарашкин

Ради Бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь?

Замарашкин

Какой фонарь?

Номах

Красный.

Замарашкин

Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

Замарашкин

*Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел...
Ты хочешь, чтоб трибунал...*

Номах

*Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.*

Замарашкин

*Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!*

Номах

*В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал – ты смел,
Я думал – ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну так что ж!
У меня есть выход другой,
Он не хуже...*

Замарашкин

*Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи, ради дружбы.*

Номах

Ты, как сука, скулишь при луне...

Замарашкин

*Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...*

(Трясет винтовкой.)

*А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.*

Номах (смеясь)

*Слушай, защитник коммуну,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.
Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтоб не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.*

Замарашкин

*Ну и играй, пожалуйста.
Только не здесь!
Нам такие музыканты не нужны.*

Номах

*Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не пой-
мешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка*

Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.
Дай фонарь!

Замарашкин

Иди ты к черту!

Номах

*Тогда не гневайся,
Пусть тебя не обижает
Другой мой план.*

Замарашкин

Ни один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим...

.....

Послушай, я тебе скажу:

Коль я хочу,

Так, значит, надо.

Ведь я башкой моей не дорожу

И за грабеж не требую награды.

Все, что возьму,

Я все отдам другим.

Мне нравится игра,

Ни слава и ни злато.

*Приятно мне под небом голубым
Утешить бедного и вшивого со-
брата.
Дай фонарь!*

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

*Я хочу сделать для бедных празд-
ник.*

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

.....

*Бросается на Замарашкина и давит его за
горло. Замарашкин падает. Номах завязыва-
ет ему рот платком и скручивает веревками*

руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая **Экспресс № 5**

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных
жил.
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.

Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.
Я работал в клондайкских приис-
ках,
Где один нью-йоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12 1/2 положил в картуз.
А дело все было под шепот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! эти американцы...
Они – неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощелыга,
Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все штуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети.
А я его – мистер Джим.
«Послушай, – сказал он, – please[1],
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без wisky и miss
Мы валялись с тобою в ямах.

У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.

Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный
сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» —
Сказал я ему в ответ,
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп —

Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«Открыли золотую жилу.
Приезжайте немедленно.
Том».
А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Чарин

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Рассветов

Не все ли равно,

*К какой рожке
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.
Все они —
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.*

Голос из группы

Правильно!

Другой голос

Конечно, правильно!

Третий голос

*С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.*

Чарин

*Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?*

Первый голос

*Ну конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.*

Рассветов

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния – это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить
устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди – гнилая рыба.
Вся Америка – жадная пасть,
Но Россия: вот это глыба...
Лишь бы только Советская
власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш:
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.
Вместо наших глухих раздолий
Там, на каждой почти полосе,

Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек – шоссе.
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стопа шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая доллар,
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца
Прходимеу и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково – *business men*[2],
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.

Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – мировая биржа!
Вот они – подлецы всех стран.

Чарин

Да, Рассветов! но все же, однако,

Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора
острожная
И крестьянство так любят Мах-
но?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бег-
ство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за бедлам,

Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем вора́м.
Потому им и любви бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша – bluff[3],
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черст-
вый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних – золотые россыпи,
Для других – непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ,
Тыщи лет из бревна да соломы

*Строят здания наших жилищ,
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство*

*Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.*

*Слышатся тревожные свистки паровоза.
Поезд замедляет ход. Все вскакивают.*

Рассветов

Что такое?

Лобок

Тревога!

Первый голос

Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант (вбегая)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь...

Рассветов (смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

Лобок

*Дьявольская метель...
Вероятно, занос.*

Комендант

Сейчас узнаем...

Поезд останавливается. Комендант выбегает.

Рассветов

*Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодоро-
рожная будка.*

Лобок

*Мне говорили, что часто здесь
Поезда прозябают по целым сут-
кам.
Ну, а еще я слышал...*

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости...

Лобок

Для кого как.

Входит комендант.

Рассветов

Ну?

Комендант

Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за 1/2 вер-
сты
Сбита рельса.

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

*Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.*

Рассветов

*Отцепляйте паровоз и поезжай-
те.*

Комендант

Это дело 30 минут.

*Уходит. Рассветов и другие остаются, по-
груженные в молчание.*

После 30 минут

Красноармеец (вбегая в салон-вагон)
Несчастье! Несчастье!

Все (вперебой)

*Что такое?..
Что случилось?..
Что такое?..*

Красноармеец

*Комендант убит.
Вагон взорван.
Золото ограблено.
Я ранен.
Несчастье! Несчастье!*

Вбегают рабочий.

Рабочий

*Товарищи! Мы обмануты!
Стрелочник и часовой
Лежат здесь в будке.
Они связаны.
Это провокация бандитов.*

Рассветов

*За каким вы дьяволом
Увезли с собой вагон?*

Красноармеец

Комендант послушался стрелочника...

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

*Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.
Метель завывала чертом.
В плече моем нить и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.*

Лобок

*Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.
Он, кажется, родом с Украины*

И кличку носит Номах.

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

Вбегает второй красноармеец.

2-й красноармеец

*Рельсы в полном порядке!
Так что, выходит, обман...*

Рассветов *(хватаясь за голову)*

*И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!*

Часть третья
О чем говорили на вокзале N в
следующий день

Замарашкин *(один около стола с телефо-*
ном)

*Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,*

Что он плюнул мне прямо в глаза.

Входят Рассветов, Лобок и Чекистов.

Лобок

*Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался
сюда.*

Рассветов

*Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.*

Чекистов

*Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.*

Рассветов

*Бросьте вы к черту ругаться —
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:
Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.*

Чекистов

Метель замела все следы.

Замарашкин

*Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец,
Он коммунист и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.*

Рассветов

Это, пожалуй, дело.

Лобок

*Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?*

Замарашкин

Он самый!

Лобок

*О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.*

Рассветов

*Но, я думаю... Номах
Тоже не из тетерь...*

Замарашкин

Он чует самый тонкий запах.

Рассветов

*Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...
Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...*

Замарашкин

*Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем...
Под кнутом они сами расскажут.*

Рассветов

Что же: звоните в розыск.

Замарашкин

*43—78:
Алло:
43—78?*

Приволжский городок

Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подащица.

Кабатчица

Спирт самый чистый, самый настоящий!
Сама бы пила, да денъги надо.
Милости просим.
Заглядывайте почаще.
Хоть утром, хоть в полночь —
Я всегда вам рада.

Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца.
Номах в пальто и шляпе.

Барсук

Привет тетке Дуне!

Кабатчица

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

Дай-ка и нам по баночке клюнуть.
С перезябу-то легче, пожалуй, бу-

дет.

Садятся за стол около горячей печки.

Кабатчица

*Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!*

Номах

*Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские вьюги.*

Барсук

*Мне все равно. Что вьюга, что
дождь...
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не най-
дешь.*

1-й повстанец

*Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется,
На птичьем дворе гусей щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать, непри-
личный,*

А потому я хотел бы положи-
тельно
Говядины или птичины.

Кабатчица

Сейчас, мои желанные...
Сейчас, сейчас...
(Ставит спирт и закуску.)

Номах (тихо к кабатчице)

Что за люди... сидят здесь...
окол?..

Кабатчица

Свои, голубчик,
Свои, мой сокол.
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь,
Я знаю их 2 года.
Посетители – первый класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба – спецы по винам.
Торгуют из-под полы
И спиртом и кокаином.
Не беспокойтесь! У них

*Язык на полке.
Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.*

Посетители начинают разговаривать.

Щербатов

*Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».*

Платов

Или эту... ту, что вчера...

(напевает)

*«Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...»*

*Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,
Старую жизнь,*

*Старые зимы,
Старую осень.*

Барсук

Ишь чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с...

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!

Пью за прекрасную

Прошедшую Русь.

Разве нынче народ пошел?

Разве племя?

Подлец на подлеце

И на трусе трус.

Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.

Золотые года!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте, Авдотья Петровна,

Вальс,

Сыграйте нам вальс

«Невозвратное время».

Кабатчица

*Да, родимые, да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безоб-
разие.*

*Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.*

Платов

*Спойте! Спойте, Авдотья Петров-
на!*

Спойте: «Все, что было».

Кабатчица

*Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.*

Щербатов

Пожалуйста. Пожалуйста!

Платов

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

Через кухонные двери появляется китаец.

Китаец

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Есылы б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик,
Ниет, Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

*Диеньги пирёт.
Хыодя очень бедыный.
Тывой шибко живет,
Мой очень быледный.*

Подавщица

Курить на кухню.

Щербатов

На кухню так на кухню.

*(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню.
Китаец за ними.)*

Номах

*Ну и народец здесь.
О всех веревка плачет.*

Барсук

М-да-с...

1-й повстанец

*Если так говорить,
То, значит,
В том числе и о нас.*

Барсук

*Разве ты себя считаешь негодя-
ем?*

1-й повстанец

*Я не считаю,
Но нас считают.*

2-й повстанец

*Считала лисица
Ворон на дереве.*

К столику подходит подавщица.

Подавщица

Сегодня в газете...

Номах

Что в газете?

Подавщица *(тихо)*

*Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноар-
мейца.*

*За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.
Обещано 1000 червонцев.*

*С описанием ваших примет:
Блондин.*

*Среднего роста.
28-ми лет.*

(Отходит.)

Номах

Ха-ха!

Замарашкин не выдержал.

Барсук

*Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.*

Номах

*Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.*

Барсук

*Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те – на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...*

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

Два вопроса...

Номах

Каких?

1-й повстанец

*Куда деть слитки
И куда нам?*

Номах

*Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...
В какие минуты...
Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть —
Мы мозгами немного побольше...*

Барсук

Остальные зарыть?

Номах

*Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть...
После можно отправить в Польшу.*

*У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко сошлись,
Как до этого, в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость и смех,
Когда двинутся наши танки.*

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

*Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чертиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак —
Хоть немного в носу щекочет.*

Номах

*Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.*

(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

*Ни в коем случае.
Я выйду один.*

(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется китаец и неторопли-

во выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.

Щербатов

*Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.*

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

*Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян.
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну и народ пошел!
Ну и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам, Авдотья Петровна,
вальс...
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».*

(Тычетя носом в стол. Платов тоже.)

Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с гитарой. Садится у стойки и начинает настраивать.

Часть четвертая На вокзале N

Р*ассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.*

Чекистов

*Есть! Есть! Есть
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма:
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».*

(Передает телеграмму Рассветову.)

Рассветов

*Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?*

Чекистов

*Как что?
Конечно, взять на цугундер!*

Рассветов

*В этом мало радости —
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.*

Чекистов

*Других мы поймаем потом.
С другими успеем после...
Они ходят
Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом кабаке.
В них одних, без Номаха,
Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.*

Рассветов

*Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.*

Чекистов

*Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.*

Рассветов

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги —
На цугундер да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид,
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится черт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.

*Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.*

Чекистов

*Клянусь всеми чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.*

Рассветов

Это не так просто.

Замарашкин

*Для него будет,
Пожалуй, очень просто.*

Рассветов

*Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,*

*Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядом.*

Чекистов

*Слушайте, товарищи!
Это превышение власти —
Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступни-
ка,
А вы разводите теорию.*

Рассветов

*Как хотите, так и называйте.
Но,
Чтоб больше наш спор*

*Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ:
«Литза-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».*

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В коридоре

Чекистов

Тогда я поеду сам.

Киев

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Номах

Кто стучит?

Голос

Отворите... Это я...

Номах

Кто вы?

Голос

Это я... Барсук...

Номах (*отворяя дверь*)

Что это значит?

Барсук (*входит и закрывает дверь*)

Это значит – тревога.

Номах

Кто-нибудь арестован?

Барсук

Нет.

Номах

В чем же дело?

Барсук

*Нужно быть наготове,
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.*

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

Конечно, не высосал из пальцев.

Вы помните тот притон?

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

*Да...
Но неужели...*

Барсук

*Это он.
Лишь только тогда вы скрылись,
Он последовал за вами.
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.*

Номах

Посмотрим, кто кого перехит-

рит?

Барсук

*Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса.
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчаса
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...
Я – тоже.
Предо мной стоял вопрос —
Узнать:
Что хочет он, черт желтоко-
жий...
И вот... на вокзале...
Из-за спины...
На синем телеграфном бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
Я прочел —
От чего у меня чуть не скочили
штаны —
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.*

Номах

Да... Это немного пахнет...

Барсук

По-моему, не немного, а очень много.

Нужно скорей в побег.

Всем нам одна дорога —

Поле, леса и снег,

Пока доберемся к границе,

А там нас лови!

Грози!

Номах

Я не привык торопиться,

Когда вижу опасность вблизи.

Барсук

Но это...

Номах

Безумно?

Пусть будет так.

Я —

Видишь ли, Барсук, —

Чудак.

Я люблю опасный момент,

Как поэт – часы вдохновенья,

Тогда бродит в моем уме

Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня ку-
харки.
Я весь – кровь,
Мозг и гнев весь я.
Мой бандитизм особой марки.
Он осознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:

В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней
мере,

Я понял, что все это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок из-
раненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с барани-
ной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо как потухающий фонарь в

тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...

.....

Всем, кто мозгами бедней и меньше,
Кто под ветром судьбы не был
нищ и наг,
Оставляю прославлять города и
женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.

.....

Банды! банды!
По всей стране,
Куда ни взглядишь, куда ни пойд
ты —
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут закостенелые бан-
диты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я...

.....

А когда-то, когда-то...
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми
руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.

Я верил... я горел...
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта
и не сон,
Что все во единое море сольются,

Все сонмы народов,
И рас, и племен.

.....

Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось —
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче...
Как бы покрепче
Одурачить китайца!..

*Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.*

(Подходит к окну.)

*Я хотел бы:
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.*

Номах *(подбегая к окну)*

*Как?
Уже?
О! Их всего четверо...*

Барсук

Мы пропали.

Номах

Скорей выходи из квартиры.

Барсук

А ты?

Номах

*Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук...*

*Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставлял здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке «Луна».*

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

Номах *(прислушиваясь у двери)*

*Кажется, остановили...
Нет... прошел...
Ага...
Идут сюда...*

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

Сцена за дверью

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов *(смотря в скважину)*

*Что за черт!
Огонь горит,
Но в квартире
Как будто ни души.*

Литза-Хун (с хорошим акцентом)

*Это его прием...
Всегда... Когда он уходит.
Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.*

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза-Хун

*Давайте мне...
Я вскрою...*

Чекистов

*Если его нет,
То надо устроить засаду.*

Литза-Хун (вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

*Тс... Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице.
Здесь ходят
Другие квартиранты.*

Чекистов

Лучше вдвоем.

Литза-Хун

*У меня бесшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.*

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

Глаза Петра Великого

Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается как дверь, оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает сви-

сток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

Чекистов

Он здесь?

Китаец *(прижимая в знак молчания палец к губам)*

*Тс... он спит... Стойте здесь...
Нужен один милиционер,
К черному выходу.*

(Берет одного милиционера и крадучись проходит через комнату к черному выходу.)

Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.

Милиционер

*Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал черным ходом.
Я выстрелил...
Но... дал промах...*

Чекистов

Это он!

*О! проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.*

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

Милиционеры

*Провокация!..
Это Литза-Хун...*

Чекистов

Развяжите его...

Милиционеры бросаются развязывать.

Литза-Хун (выпихивая освобожденными руками платок изо рта)

*Черт возьми!
У меня болит живот от злобы.
Но клянусь вам...
Клянусь вам именем китайца,
Если б он не накинул на меня ме-*

шок,
Если б он не выбил мой браунинг,
То бы...
Я сумел с ним справиться...

Чекистов

А я... Если б был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-Хун,
За такое место...
Которое вслух не называется.

1922–1923

Малые поэмы

Песнь о Евпатии Коловрате

*За поёмами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.*

*Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточины, —
Подымались злы татаровья
На зарайскую сторонушку.*

*Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоту,
Под фатой варяжсьей засынькой
Коротала ночку темную.*

*Не совиный ух зашурился,
И не волчья пасть оскалилася, —
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.*

*Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-полымя:
Чтой-то Русь захолынулася,*

Аль не слышит лязгу бранного?

*Щебетнули звезды месяцу:
«Ой ты, желтое ягнятище!
Ты не мни траву небесную,
Перестань бодаться с тучами.*

*Подыми-ка глаза-уголья
На рязанскую сторонушку
Да позарься в кутомарине,
Что там движется-колышет-
ся?»*

*Как взглянул тут месяц с привя-
зи,
А ин жвачка зубы вытерпла,
Поперхнулся с перепужины
И на землю кровью кашлянул.*

*Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.*

*Впереди сам хан навьпячи
На коне сидит улыбисто
И жует, слюнявя бороду,
Кус подохлой кобылятины.*

Говорит он псиньм голосом:
«Ой ли, титники братанове,
Не пора ль нам с пира-пображни
Настремнить коней в Моско-
вию?»

* * *

От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.
Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,
В три ряда на плечи падали.
За гленищем ножик сеченый
Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,
Лошадей ковал да бражничал,
Да пешнёвые угорины
Двумя пальцами вытягивал.

Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.

Не один рукав молодушек,
Утираясь, продырявился.

Да не любви, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Что ль рязанская сторонушка.

* * *

Ой, не совы плачут полночью, —
За Коломной бабы хныкают,
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.

Свищут потные погонщики,
Подгоняют полонянных,
По пыжну путь-дороженьке
Ставят вехами головушки.

Соходилися боярове,
Суд рядили, споры ладили,
Как смутить им силу вражью,
Соблюсти им Русь кондовую.

Снаряжали побегушника,
Уручали светлой грамотой:
«Ты беги, зови детинушку,
На усуду свет Евпатия».

Ой, не колоб в поле катится
На позыв колдуньи с Шехмина, —
Проскакал ездок на Пилево,
Да назад опять ворочает.

На полях рязанских светится
Березняк при блеске месяца,
Освещая путь-дороженьку
От Ольшан до Швивой Заводи.

Прискакал ездок к Евпатию,
Вынул вязевую грамоту:
«Ой ты, лазушновы́й баторе,
Выручай ты Русь от лихости!»

* * *

У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено,
Кумачовые кумашницы
Рушниками занавешаны.

Соходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.

Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,

*Вы не пейте зелена вина,
Не губите сметку русскую.*

*Зелено вино – мыслям пагуба,
Телесам оно – что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»*

** * **

*Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною —
Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.*

*Всколыхнулось сердце Батыея:
Что случилось там, приключило-
ся?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?*

*А рязанцам стать —
Только спьяну спать;
Не в бою бы быть,
А в снопах лежать.*

*Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,*

А свеча в руках затеплилась.

*Не березки-белолицушки
Из-под гоноби подрублены —
Полегли соколья-друзники
Под татарскими насечками.*

*Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куролесники,
Отешите череп батыря,
Что ль, на чашу на сивушную».*

*Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».*

1912, <1925>

Марфа Посадница

1

*Не сестра месяца из темного бо-
лота
В жемчуге кокошник в небо запро-
кинула, —
Ой, как выходила Марфа за воро-
та,
Письменище черное из дулейки вы-
нула.*

*Раскололся зыками колокол на ве-
че,
Замахали кружевом полотнища
зорние;
Услыхали ангелы голос человеческий,
Отворили наскоро окна-ставни
горние.*

*Возговорит Марфа голосом сереб-
ряно:
«Ой ли, внуки Васькины, правнуки
Микулы!
Грамотой московскою извольню
повелено
Выгомонить вольницы бражные*

загулы!»

*Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:*

«Что нам Московия – как поставник блинный!

Там бояр те жены хлыстают загозно!»

Марфа на крылечко праву ножку кинула,

Левой помахала каблучком сафьяновым.

«Быть так, – кротко молвила, черны брови сдвинула, —

Не ручки – брызгатели выцветням росяновым...»

2

Не чернец беседует с Господом в затворе —

Царь московский антихриста вызывает:

«Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, Новгород мне вольный ног не лобызает!»

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье
ада.

«Побожися душу выдать мне по-
рукой,
Иначе не будет с Новгородом сла-
да!»

Вынул он бумаги – облака клок,
Дал ему перо – от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локо-
ток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит антихрист зёмным гу-
дом:
«А и сроку тебе, царь, даю четыре-
ста лет!
Как пойдет на Москву заморский
Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу
нет!» —

«А откуда гроза, когда ветер шу-
мит?» —
Задаёт ему царь хитрой спрос.
Говорит сатана зыком черных
згит:

*«Этот ответ с собой ветер
унес...»*

3

*На соборах Кремля колокола за-
плакали,
Собирались стрельцы из дальних
слобод;
Кони ржали, сабли звякали,
Глас приказный чинно слушал на-
род.*

*Закраснели хоругви, образа засвер-
кали,
Царь пожаловал бочку с вином.
Бабы подолами слезы утирали, —
Кто-то воротится невредим в
дом?*

*Пошли стрельцы, запылили по по-
лю:
«Берегись ты теперь, гордый Но-
воград!»
Пики тенькали, кони топали, —
Никто не пожалел и не обернулся
назад.*

Возговорит царь жене своей:

«А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых се-
мей,
Всем подушки голов расстелю в
овраге».

«Государь ты мой, – шомонит
жена, —
Моему ль уму судить суд тебе!..
Тебе власть дана, тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одной судь-
бе...»

4

В зарукавнике Марфа Богу моли-
лась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.

«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новоградским две-
рям!»

Приносили голуби от Бога пись-
мо,

Золотыми письменами рублен-
ное;
Села Марфа за расшитою тесь-
мой:
«Уж ты, счастье ль мое загублен-
ное!»

И писал Господь Своей верной ра-
бе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой
гульбе
Продал душу свою антихристу...»

5

А и минуло теперь четыреста
лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться
за ум,
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский
шум?

А пойдете, бойцы, ловить крече-
тов,
Отошлем дикомытя с потребою
царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи

той,
Чтоб не застил он новгородскую
зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаши!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой ты, Новгород, родимый наш!

Как по былънице тропинка пролегла;
А пойдѣмте стольный Киев звать!
Ой ли вы, с Кремля колокола,
А пора небось и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит наш с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу
Сентябрь 1914

Микола

1

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.*

*На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.*

*Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.*

*Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.*

*Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».*

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешной,
Прохожу к монастырям».

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
«Помолюсь схожу за здравье
Православных христиан».

3

Ходит странник по дорогам,

*Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.*

*Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:*

*«О Мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.*

*Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».*

*Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с миром
—
Исцелить печаль забот.*

*Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома».*

4

Горек запах черной гари,

*Осень рощи подождгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.*

*«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему,
Темный бор, – щекочут свахи, —
Сватай девицу-зиму.*

*Всем есть место, всем есть ло-
гов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний Богов,
В Божий терем правлю путь».*

*Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;*

*Словно космица кудесниц,
Звезды в яблонях висят.*

*На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас.
«Миколае-чудотворче,
Помолись Ему за нас».*

5

Кроют зори райский терем,

У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

«Клюйте, ангельские птицы:
Колос – жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен —
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И, как по траве окосья
В вечеряющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

1915

Русь

1

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.
Воют в сумерки долгие, зимние,*

*Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.
Как совиные глазки за ветками,*

*Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.*

*Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мглы-
стые
На березках висят галуны.*

2

Но люблю тебя, родина кроткая!

*А за что – разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

*Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальян-
кою,
Выйдут девки плясать у костров.*

*Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.*

3

*Понакаркали черные вороны
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все сторо-
ны,
Машет саваном пена с озер.*

*Грянул гром, чашка неба расколо-
та,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.*

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.
Вот где, Русь, твои добрые молод-
цы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой

Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,

Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки ко-
стей.

И пришли к ним неожиданно-нега-

данно
С дальней волости груди вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамот-
ку,
За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестя-
ным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у во-

ды.

*Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.*

*Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.*

*Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.*

*А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.*

*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

1914

Небесный барабанщик

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота ввысь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце

*В заговоре с ними, —
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.*

*Если этот месяц
Друг их черной силы, —
Мы его с лазури
Камнями в затылок.*

*Разметим все тучи,
Все дороги взвесим.
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.*

*Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.*

3

*Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.*

*Смыкайтесь же тесной стеною,
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою*

Сорвет на золотой барабан.

*Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил —
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.*

*В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.*

4

*Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.*

*Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце – свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.*

*Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Таёт облако горилл.*

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанищик
Лупит в солнце-барабан.

1918

Весна

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов —
Свой закон.

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым,
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завихрухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!

Добрый день!
Не бойся!

Я тебя не трону.
И коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть,
Он – отношенье
Средь живущих.
Коль ты с людьми единой кущи,
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь
Новой наделен.

Без ордера тебе апрель
Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью
Выплывет луна.
Ее не слопали собаки:
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась...
И вот —
Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Польет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!

Ты не металл.
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку
И вдруг —
Понятен «Капитал».
Декабрь 1924

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве

*Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.
Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.*

*Но коровы в спуске
На траве у леса,
Говори по-русски —
Смыслят ни бельмеса.*

Им бы лишь мычалось

Да трава качалась.
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

* * *

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.

Май всё хорошеет,
Ели всё изольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.

Пете-пастушонку
Голоса не новы,
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу —

Чести не уронит.

Любо хворостиной
Управлять скотиной.
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.

* * *

Ну, а если лето —
Песня плохо спета.
Слишком много дела —
В поле рожь поспела.
Ах, уж не с того ли
Дни похорошели,
Все колосья в поле,
Как лебязьи шеи.
Но беда на свете
Каждый час готова,
Зазевался Петя —
В рожь зайдет корова.
А мужик как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.
Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

* * *

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

Елка ли, кусток ли,
Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка тоже.

Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чащу.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке —
Утка улетела.

Рассказать дубровам —
У дубровы опадь.
Рассказать коровам —

Им бы только лопать.

*Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.*

*Трудно хворостиной
Управлять скотиной.*

** * **

*Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.*

*Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.*

*А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.*

*И приснился Пете
Страшный сон на свете.*

Все доступно в мире.
Петя комиссаром
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Но всегда недаром
Служат комиссаром.
Нужно знать все сроки,
Чтоб собирать оброки.

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.

Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.

А вокруг совета,
В дождь и непогоду,

С самого рассвета
Уймища народу.

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой.
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину,
Понимал на свете
Только хворостину.

А народ суровый,
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.
С эдаким товаром
Дрянь быть комиссаром.

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску

Да как дали таску...

.....
Тут проснулся Петя...

* * *

Сладко жить на свете!
Встал, а день что надо,
Солнечный, звенящий,
Легкая прохлада
Овевает чащи.

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».

А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».

* * *

*Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я – Сергей Есенин.*

7/8 октября 1925

Стихотворения

**Поэт («Он бледен. Мыслит страшный
путь...»)**

*Он бледен. Мыслит страшный
путь
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.*

*Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.*

*Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечи режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.*

*Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум... душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.*

1910–1912

«Под венком лесной ромашки...»

*Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.*

*Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним – милашкину любовь.*

*Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».*

*Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.*

1911

«Темна ноченька, не спится...»

*Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.*

*На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра!*

*Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.*

*В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.*

1911

«Звездочки ясные, звезды высокие!...»

*Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?*

*Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?*

Частые звездочки, звездочки тесные!

Что в вас прекрасного, что в вас могучего?

*Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?*

*И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятия широкие?*

Смотрите нежно так, сердце ласкает,

Звезды небесные, звезды далекие!

1911

И. Д. Рудинскому

*Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.*

*И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.*

*Оживило тепло,
Озарил меня свет.
Я забыл, что прошло
И чего во мне нет.*

*Загорелась кровь
Жарче дня и огня.
И светло и тепло
На душе у меня.*

*Чувства полны добра,
Сердце бьется сильней.
Оживил меня луч
Теплотою своей.*

*Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь.*

<1911>

Воспоминание

*За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.*

*«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.*

*А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.*

*Поголял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.*

Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.

Ну и что ж, покорюсь, —
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.

1911–1912

Моя жизнь

*Будто жизнь на страданья моя
обречёна;
Горе вместе с тоской заградили
мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда
разлучёна,
От тоски и от ран истомилася
грудь.*

*Будто в жизни мне выпал страда-
нья удел;
Незавидная мне в жизни выпала
доля.
Уж и так в жизни много всего я
терпел,
Изнывает душа от тоски и от го-
ря.*

*Даль туманная радость и сча-
стье сулит,
А дойду – только слышатся вздо-
хи да слезы.
Вдруг наступит гроза, сильный
гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие*

грезы.

*Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страда-
ньям, ни горю.*

1911–1912

Что прошло – не вернуть

*Не вернуть мне ту ночку прохлад-
ную,
Не видать мне подруги своей,
Не слышать мне ту песню отрад-
ную,
Что в саду распевал соловей!*

*Унеслася та ночка весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подо-
жди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.*

*Крепким сном спит в могиле по-
друга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.*

*И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночью прохладною пел.*

*Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остылые.
Что прошло – не вернуть никогда.*

1911–1912

Ночь («Тихо дремлет река...»)

*Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет
И дергач не кричит.*

*Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.*

*Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.*

*Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.*

1911–1912

Восход солнца

*Загорелась зорька красная
В небе темно-голубом,
Полоса явилась ясная
В своем блеске золотом.
Лучи солнышка высоко
Отразили в небе свет.
И рассыпались далеко
От них новые в ответ.*

*Лучи ярко-золотые
Осветили землю вдруг.
Небеса уж голубые
Расстилаются вокруг.*

1911–1912

К покойнику

*Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.*

*Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.*

*Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.*

*Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.*

1911–1912

Зима

*Вот уж осень улетела
И примчалася зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.*

*Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо» за труды.*

*Вот появились узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Глядя на это. С высоты*

*Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает
И иней на снегу сверкает.*

1911–1912

Песня старика разбойника

*Угасла молодость моя,
Краса в лице завяла,
И удали уж прежней нет,
И силы – не бывало.*

*Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И плачуся судьбиной.*

*Бывало, песни распевал
С утра до темной ночи,
Теперь тоска меня сосет
И грусть мне сердце точит.*

*Когда-то я ведь был удал,
Разбойничал и грабил,
Теперь же хил и стар я стал,
Все прежнее оставил.*

1911–1912

Ночь («Усталый день склонился к ночи...»)

*Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняся, дремлет
Под звуки песен соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.*

<1911–1912>

Больные думы

*Нет сил ни петь и ни рыдать,
Минуты горькие бывают,
Готов все чувства изливать,
И звуки сами набегают.*

<1911–1912>

«Я ль виноват, что я поэт...»

*Я ль виноват, что я поэт
Тяжелых мук и горькой доли,
Не по своей же стал я воле —
Таким уж родился на свет.*

*Я ль виноват, что жизнь мне не
мила,
И что я всех люблю и вместе
ненавижу,
И знаю о себе, чего еще не вижу, —
Ведь этот дар мне муза принесла.*

*Я знаю – в жизни счастья нет,
Она есть бред, мечта души боль-
ной,
И знаю – скучен всем напев уны-*

*лый мой,
Но я не виноват – такой уж я по-
эт.*

<1911–1912>

Думы

*Думы печальные, думы глубокие,
Горькие думы, думы тяжелые,
Думы, от счастья вечно далекие,
Спутники жизни моей невеселые!*

*Думы – родители звуков мучения,
Думы несчастные, думы холод-
ные,
Думы – источники слез огорчения,
Вольные думы, думы свободные!*

*Что вы терзаете грудь истом-
лённую,
Что заграждаете путь вы мне
мой?..
Что возбуждаете силу сломлён-
ную
Вновь на борьбу с непроглядною
тьмой?*

*Не поддержать вам костра дого-
ревшего,
Искры потухшие... Поздно, бес-
плодные.
Не исцелить сердца вам наболе-
вшего,
Думы больные, без жизни, холод-
ные!*

<1911–1912>

Звуки печали

*Скучные песни, грустные звуки,
Дайте свободно вздохнуть.
Вы мне приносите тяжкие муки,
Больно терзаете грудь.*

*Дайте отрады, дайте покоя,
Дайте мне крепко заснуть.
Думы за думами смутного роя,
Вы мне разбили мой путь.*

*Смолкните, звуки – вестники го-
ря,
Слезы уж льются из глаз.
Пусть успокоится горькая доля.
Звуки! Мне грустно от вас!*

*Звуки печали, скорбные звуки,
Долго ль меня вам томить?
Скоро ли кончатся тяжкие муки,
Скоро ль спокойно мне жить?*

<1911–1912>

Слёзы

*Слезы... опять эти горькие слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.*

*Что же дальше? Опять эти му-
ки?
Нет, довольно... Пора отдохнуть
И забыть эти грустные звуки,
Уж и так истомилася грудь.*

*Кто поет там под сенью березы?
Звуки будто знакомые мне —
Это слезы опять... Это слезы
И тоска по родной стороне.*

*Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной моги-*

ле
Я забыться могу и заснуть.

<1911–1912>

«Не видать за туманною далью...»

*Не видать за туманною далью,
Что там будет со мной впереди,
Что там... счастье, иль веет печалью,
Или отдых для бедной груди.*

*Или эти седые туманы
Снова будут печалить меня,
Наносить сердцу скорбные раны
И опять снова жечь без огня.*

*Но сквозь сумрак в туманной дали
Загорается, вижу, заря;
Это смерть для печальной земли,
Это смерть, но покой для меня.*

<1911–1912>

Пребывание в школе

*Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах —
Вот она, доля поэта.*

*Видно, навек осужден я влачить
Эти судьбы приговоры,
Горькие слезы безропотно лить,
Ими томить свои взоры.*

*Нет, уже лучше тогда поскорей
Пусть я иду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.*

*Только и там я могу отдохнуть,
Позабывать эти тяжкие муки,
Только лишь там не волнуется
грудь
И не слышны печальные звуки.*

<1911–1912>

Далёкая весёлая песня

*Далеко-далеко от меня
Кто-то весело песню поет.
И хотел бы провторить ей я,
Да разбитая грудь не дает.*

*Тщетно рвется душа до нея,
Ищет звуков подобных в груди,
Потому что вся сила моя
Истощилась еще впереди.*

*Слишком рано я начал летать
За мечтой идеала земли,
Рано начал на счастье роптать,
Разбираясь в прожитой дали.*

*Рано пылкой душою своей
Я искал себе мрачного дня
И теперь не могу вторить ей,
Потому что нет сил у меня.*

<1911–1912>

Мои мечты

*Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыданья,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страданья.*

*Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.*

<1911–1912>

Брату Человеку

*Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной.*

*Посмотри, как он трудится в по-
ле,
Пашет твердую землю сохой,
И послушай те песни про горе,
Что поет он, идя бороздой.*

*Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу сохи с бороной?
Видишь гибель ты сам неизбеж-
ной,
А проходишь его стороной.*

*Помоги же бороться с неволей,
Залитою вином, и с нуждой!
Иль не слышишь, он плачется до-
лей
В своей песне, идя бороздой?
<1911–1912>*

«Я зажег свой костер...»

*Я зажег свой костер,
Пламя вспыхнуло вдруг
И широкой волной
Разлилося вокруг.*

*И рассыпалась мгла
В беспредельную даль,
С отягченной груди
Отгоняя печаль.*

*Безнадежная грусть
В тихом треске углей*

*У костра моего
Стала песней моей.*

*И я весело так
На костер свой смотрел,
Вспоминаючи грусть,
Тихо песню запел.*

*Я опять подо мглой.
Мой костер догорел,
В нем лишь пепел с золой
От углей уцелел.*

*Снова грусть и тоска
Мою грудь облегли,
И печалью слегка
Веет вновь издали.*

*Чую – будет гроза,
Грудь заныла сильнее,
И скатилась слеза
На остаток углей.*

<1911–1912>

Деревенская избёнка

*Ветхая избенка
Горя и забот,
Часто плачет вьюга
У твоих ворот.*

*Часто раздаются
За твоей стеной
Жалобы на бедность,
Песни звук глухой.*

*Все поют про горе,
Про тяжёлый гнет,
Про нужду лихую
И голодный год.*

*Нет веселых песен
Во стенах твоих,
Потому что горе
Заглушает их.*

<1911–1912>

Отойди от окна

*Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи;
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи.*

*Я жалею тебя всей душою,
Что тебе до моей красоты?
Почему не даешь мне покою
И зачем так терзаешься ты?*

*Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого;
Не люблю, но тебя я жалею,
Отойди от окна моего!*

*Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя;
Я теперь не люблю, а жалею —
Отойди и не мучай себя!*

<1911–1912>

Весенний вечер

*Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зеленой вес-
ны.*

*Солнце садится за горы лесистые,
Рог золотой выплывает луны.*

*Запад подернулся лентой розо-
вой,*

*Пахарь вернулся в избушку с по-
лей,*

*И за дорогою в чаще березовой
Песню любви затянул соловей.*

*Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.*

*С нежностью смотрит на звезды
далекие*

И улыбается небу земля.

<1911–1912>

«И надо мной звезда горит...»

*И надо мной звезда горит,
Но тускло светится в тумане,
И мне широкий путь лежит,
Но он заросший весь в бурьяне.*

*И мне весь свет улыбки шлет,
Но только полные презренья,
И мне судьба привет несет,
Но слезы вместо утешенья.*

<1911–1912>

Поэт («Не поэт, кто слов пророка...»)

*Не поэт, кто слов пророка
Не желает заучить,
Кто язвительно порока
Не умеет обличить.*

*Не поэт, кто сам боится,
Чтобы сильных уязвить,
Кто победою гордится,
Может слабых утрашить.*

Не поэт и кто имеет

*К людям разную любовь,
Кто за правду не умеет
Проливать с врагами кровь.*

*Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда – мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать.*

*Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!*

<1912>

Капли

*Капли жемчужные, капли пре-
красные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненаст-
ные,
Осенью черной на окнах сырых.*

*Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.*

*Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяже-
лого.
Тихо скользьте по стеклам и бро-
дите,
Точно как ищете что-то весело-
го.*

*Люди несчастные, жизнью уби-
тые,
С болью в душе вы свой век дожи-
ваете.
Милое прошлое, вам не забытое,*

Часто назад вы его призываете.

<1912>

На память об усопшем. У могилы

*В этой могиле под скромными
ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми по-
рывами,
С верой зари огневой.*

*Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело, никому не понятные,
Мрачные тени легли.*

*Спит он, а ивы над ним наклони-
лись,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузились,
Думают думы о нем.*

*Тихо от ветра, тоски напустив-
шего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгиб-*

шего
Бедного юношу жаль.

<1912–1913>

«Грустно... Душевные муки...»

*Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума...
Голову кружит от шума.
Как же мне быть... и сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком.
Ходишь едва-то дыша.
Мрачно и дико кругом.
Доля! Зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастья жить.*

<1913>

«Ты плакала в вечерней тишине...»

*Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упада-
ли,
И было тяжело и так печально
мне,
И все же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далекие края,
И все мечты мои увянули без цве-
та,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и при-
вета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый об-
раз твой,
И слышу в тишине тоскливые ры-
данья.*

<1913>

Берёза

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

<1913>

«Я положил к твоей постели...»

*Я положил к твоей постели
Полузавядшие цветы,
И с лепестками помертвели
Мои усталые мечты.*

*Я нашептал моим левкоям
Об угасающей любви,
И ты к оплаканным покоем
Меня уж больше не зови.*

*Мы не живем, а мы тоскуем.
Для нас мгновенье красота,
Но не зажжешь ты поцелуем
Мои холодные уста.*

*И пусть в мечтах я все читаю:
«Ты не любил, тебе не жаль»,
Зато я лучше понимаю
Твою любовную печаль.*

<1913–1915>

Исповедь самоубийцы

Протиссь со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.
Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.
Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.
Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравою полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.
Я стер с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей —
Противна страсть душе моей.

Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.

*А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно надо мной.*

<1913–1915>

Моей царевне

*Я плакал на заре, когда померкли
дали,
Когда стелила ночь росистую по-
стель,
И с шепотом волны рыданья за-
мирали,
И где-то вдалеке им вторила сви-
рель.*

*Сказала мне волна: «Напрасно мы
тоскуем», —
И, сбросив свой покров, зарылась в
берега,
А бледный серп луны холодным
поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в
жемчуга.*

*И я принес тебе, царевне ясно-
окой,
Тот жемчуг слез моих печали*

*одинокой
И нежную вуаль из пенности вол-
ны.*

*Но сердце хмельное любви моей
не радо...
Отдай же мне за все, чего тебе не
надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй лу-
ны.*

<1913–1915>

Чары

*В цветах любви весна-царевна
По роце косы расплела,
И с хором птичьего молебна
Поют ей гимн колокола.
Пьяна под чарами веселья,
Она, как дым, скользит в лесах,
И золотое ожерелье
Блестит в косматых волосах.
А вслед ей пьяная русалка
Росою плещет на луну.
И я, как страстная фиалка,
Хочу любить, любить весну.*

<1913–1915>

Буря

*Дрогнули листочки, закачались
клены,
С золотистых веток полетела
пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеле-
ный,
Зашептался с эхом высохший ко-
выль...*

*Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному
стеклу,
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в
полумглу...*

*А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная ру-
ка.*

<1913–1915>

«Ты ушла и ко мне не вернешься...»

*Ты ушла и ко мне не вернешься,
Позабыла ты мой уголок
И теперь ты другому смеешься,
Укрываясь в белый платок.*

*Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит.*

<1913–1915>

Бабушкины сказки

*В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,*

Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели...
Но, а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело —
Говори да говори.

<1913–1915>

Лебёдушка

Из-за леса, леса темного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блесстки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.

И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далекая
Лентой темной и широкою.

Уплывала лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.

У побережья зеленого,
Наклонив головки нежные,
Перешептывались лилии
С ручейками тихозвонными.

Как и стала звать лебедушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,

Пощипать траву душистую.

*Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпались.*

*А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чужедальние,
Улыбались дню веселому.*

*И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебедка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.*

*Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.*

*Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И, когда гроза скрывалась,
Снова бегали-резвилисья.*

Но не чуяла лебедушка,

Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная —

Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

Видел он у леса темного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелась.

И хотел орел со злобою
Как стрела на землю кинуться,
Но змея его заметила
И под кочку притаилась.

Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидая,
Замер в воздухе распластанный.

Но глаза его орлиные
Разглядели степь далекую,
И у озера широкого
Он увидел лебедь белую.

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орел, как точка черная,
Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отразившемся
Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,
Закричала лебежатушкам,
Собралися детки малые
И под крылья схоронилися.

А орел, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впилися когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебедушка
И ногами помертвелыми
Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,

*А из глаз родимой матери
Покатались слезы горькие.*

*А орел когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.*

*Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шептались,
А под кочками зелеными
Хоронились лебежатушки.*

<1913–1915>

Королева

*Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.*

*В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.*

Коромыслом серп двурогий

*Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.*

*Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повод.
Увезет тебя он смело
В чуждедальни города.*

*Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.*

<1913–1915>

«Сохнет стаявшая глина...»

*Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.*

*Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналая
Воробей псалтырь читает.*

*Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов – как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.*

*Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»*

1914

Пороша

*Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.*

*Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Повязалась сосна.*

*Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самую макушкой
Долбит дятел на суку.*

*Скачет конь, простору много.
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.*

<1914>

«Колокол дремавший...»

*Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.*

*Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.*

*Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.*

*Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.*

<1914>

Кузнец

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой изривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы

*В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо,
Созревают зеленыя.*

*Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой.
Сбрось скорей постыдный страх.*

<1914>

С добрым утром!

*Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.*

*Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.*

*У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»*

<1914>

Юность

*Мечты и слезы,
Цветы и грезы
Тебе дарю.*

*От тихой ласки
И нежной сказки
Я весь горю.*

*А сколько муки
Святые звуки
Наносят мне!*

*Но силой тертой
Пошлю все к черту.
Иди ко мне.*

<1914>

Егорий

*В синих далях плоскогорий,
В лентах облаков
Собирал святой Егорий
Белых волков.*

*«Ой ли, светы, [ратобойцы],
Слушайте мой сказ.
У меня в лихом изгойце
Есть поклон до вас.*

*Все волчицы строят гнезда
В муромских лесах.
В их глазах застыли звезды
На ребячий страх.*

*И от тех ли серолобых
Ваш могучий род,
Как и вы, сгорает в злобах
Грозовой оплот.*

*Долго злились, долго бились
В пуще вы тайком,
Но недавно помирились
С русским мужиком.*

Там с закатных поднебесий
Скочет враг – силен,
Как на эти ли полесья
Затаил полон.

Чую, выйдет лохманида —
Не ужиться вам,
Но уж черная планида
Машет по горам».

Громовень подняли волки:
«Мы ль тросовики!
Когти остры, зубы колки —
Разорвем в клоки!»

Собирались все огулом
Вырядить свой суд.
Грозным криком, дальним гулом
Замирал их гуд.

Как почуяли облаву,
Вышли на бугор.
«Ты веди нас на расправу,
Храбрый наш Егор!»

«Ладно, – молвил им Егорий, —
Я вас поведу
Меж далеких плоскогорий,

Укрочу беду».

*Скачет всадник с длинной пикой,
Распугал всех сов.
И дрожит земля от крика
Волчьих голосов.*

<1914>

Молитва матери

*На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится ста-
рушка.*

*Молится старушка, сына помина-
ет,
Сын в краю далеком родину спаса-
ет.*

*Молится старушка, утирает сле-
зы,
А в глазах усталых расцветают
грезы.*

*Видит она поле, это поле боя,
Сына видит в поле – павшего ге-
роя.*

*На груди широкой запеклася рана,
Сжали руки знамя вражеского
стана.*

*И от счастья с горем вся она за-
стыла,
Голову седую на руки склонила.*

*И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются
слезинки.*

<1914>

Богатырский посвист

*Грянул гром. Чашка неба расколо-
та.*

Разорвались тучи тесные.

*На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небесные.*

*Отворили ангелы окно высокое,
Видят – умирает тучка безгла-
вая,*

*А с запада, как лента широкая,
Подымается заря кровавая.*

*Догадались слуги Божии,
Что недаром земля просыпается,*

Видно, мол, немцы негожие
Войной на мужика поднимаются.
Сказали ангелы солнышку:
«Разбуди поди мужика, красное,
Потрепи его за головушку,
Дескать, беда для тебя опасная».
Встал мужик, из ковша умывается,
Ласково беседует с домашней
птицею,
Умывшись, в лапти наряжается
И достает сошники с палицею.
Думает мужик дорогой в кузницу:
«Проучу я харю поганую».
И на ходу со злобы тужится,
Скидает с плечей сермягу рваную.
Сделал кузнец мужику пику
острую,
И уселся мужик на клячу брыку-
чую.
Едет он дорогой пестрою,
Насвистывает песню могучую.

Выбирает мужик дорожку при-
метнее,
Едет, свистит, ухмыляется.
Видят немцы – задрожали дубы
столетние,

*На дубах от свиста листья валят-
ся.*

*Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырско-
го...*

*Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастыр-
ского.*

<1914>

Бельгия

*Побеждена, но не рабыня,
Стоишь ты гордо без доспех,
Осквернена твоя святыня,
Зато душа чиста, как снег.
Кровавый пир в дыму пожара
Устроил грозный сатана,
И под мечом его удара
Разбита храбрая страна.
Но дух свободный, дух могучий
Великих сил не угасил,
Он, как орел, парит за тучей
Над цепью доблестных могил.
И жребий правды совершится:
Падет твой враг к твоим ногам
И будет с горестью молиться*

Твоим разбитым алтарям.

<1914>

Сиротка

(Русская сказка)

Маша – круглая сиротка.
Плохо, плохо Маше жить:
Злая мачеха сердито
Без вины ее бранит.

Неродимая сестрица
Маше места не дает.
Плачет Маша втихомолку
И украдкой слезы льет.

Не перечит Маша брани,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.

Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда,
И ребята не глядят.

Ходит Маша в сарафане,

Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке
Бусы с серьгами гремят.

Сшила Маша на подачки
Сарафан себе другой
И на голову надела
Полушалок голубой.

Хочет Маша понарядней
В церковь Божию ходить
И у мачехи сердитой
Просит бусы ей купить.

Злая мачеха на Машу
Засучила рукава,
На устах у бедной Маши
Так и замерли слова.

Вышла Маша, зарыдала,
Только некуда идти,
Побежала б на кладбище,
Да могилки не найти.

Замела седая вьюга
Поле снежным полотном,
По дороженькам ухабы
И сугробы под окном.

Вышла Маша на крылечко,
Стало больно ей невмочь.
А кругом лишь воет ветер,
А кругом лишь только ночь.

Плачет Маша у крылечка,
Притаившись за углом,
И заплаканные глазки
Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа,
Злится Дедушка Мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,
Ярким светом заиграл.
Видит Маша – на приступке
Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья
Маша глазки подняла
И застывшими руками
Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко
Отворяет дверь рукой, —
А с высокого сугроба

К ней бежит старик седой:

*«Эй, красавица, постой-ка,
Замела совсем пурга!
Где-то здесь вот на крылечке
Позабыл я жемчуга».*

*Маша с тайною тревогой
Робко глазки повела
И сказала, запинаясь:
«Я их в фартук собрала».*

*И из фартука стыдливо,
Заслонив рукой лицо,
Маша высыпала жемчуг
На обмерзшее крыльцо.*

*«Стой, дитя, не сыпь, не надо, —
Говорит старик седой, —
Это бисер ведь на бусы,
Это жемчуг, Маша, твой».*

*Маша с радости смеется,
Закраснелась, стоит,
А старик, склонясь над нею,
Так ей нежно говорит:*

«О дитя, я видел, видел,

Сколько слез ты пролила
И как мачеха лихая
Из избы тебя гнала.

А в избе твоя сестрица
Любовалася собой
И, расчесывая косы,
Хохотала над тобой.

Ты рыдала у крылечка,
А кругом мела пурга,
Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.

За тебя, моя родная,
Стало больно мне невмочь,
И озлобленным дыханьем
Застудил я мать и дочь.

Вот и вся моя награда
За твои потоки слез...
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь Дедушка Мороз».

И исчез мороз трескучий...
Маша жемчуг собрала
И, прислушиваясь к вьюге,
Постояла и ушла.

*Утром Маша рано-рано
Шла могилушку копать.
В это время царедворцы
Шли красавицу искать.*

*Приказал король им строго
Обойти свою страну
И красавицу собою
Отыскать себе жену.*

*Увидали они Машу,
Стали Маше говорить,
Только Маша порешила
Прежде мертвых схоронить.*

*Тихо справили поминки,
На душе утихла боль,
И на Маше, на сиротке,
Повенчался сам король.*

<1914>

Узоры

На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный – принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.

Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локонов впуталась

луна.
В трепетном мерцанье, в белом
покрывале
Девушка, как призрак, плачет у
окна.

<1914>

Что это такое?

*В этот лес замороженный
По пушинкам серебра
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше – лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:*

*Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..*

<1914>

ЯМЩИК

*За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй вы, соколы родные,
Выносите поскорей!*

*Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красотка
В чародейном терему.*

*Светит в темень позолотой
Размалевана дуга.
Ой вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!*

*Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее не счет.
А как гаркну на проулке,
Выбегает весь народ.*

Выйдут парни, выйдут девки

*Славить зимни вечера.
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.*

<1914>

Удалец

*Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.*

*Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красотка
Два серебряных кольца.*

*Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху,
Пусть от радости великой
Ходит ночью к жениху.*

*Ты гори, моя зарница,
Не страшен мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.*

Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,
Удалая голова.
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова.

<1914–1915>

«Вечер, как сажа...»

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

*Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».*

<1914–1916>

«Прячет месяц за овинами...»

*Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.
Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.
На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.*

<1914–1916>

«По лесу леший кричит на сову...»

*По лесу леший кричит на сову,
Прячутся мошки от птичек в траву.
Ау!*

*Спит медведиха, и чудится ей:
Колет охотник острогой детей.
Ау!*

*Плачет она и трясет головой:
– Детушки-дети, идите домой.
Ау!*

*Звонкое эхо кричит в синеву:
– Эй ты, откликнись, кого я зову!
Ау!*

<1914–1916>

«За рекой горят огни...»

*За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.*

*Плачет леший у сосны —
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.*

*А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.*

*Кому радость, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.*

<1914–1916>

Молотба

Вышел зараня дед
На гумно молотить:
«Выходи-ка, сосед,
Старику подсобить».

Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперейбой
Зазвенели цепи.

И ворочает дед
Немолоченый край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай каравай».

И под сильной рукой
Вылетает зерно.
Тут и солод с мукой,
И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
Эта доля дана.
Тучен колос сухой —
Будет брага хмельна.

<1914–1916>

Табун

*В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями золотой налет
со дней.*

*С бугра высокого в синеющий за-
лив*

Упала смоль качающихся грив.

*Дрожат их головы над тихой во-
дой,*

*И ловит месяц их серебряной уз-
дой.*

*Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут но-
вый день.*

* * *

*Весенний день звенит над кон-
ским ухом*

*С приветливым желаньем к пер-
вым мухам.*

*Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.*

*Все резче звон, прилипший на ко-
пытах,*

*То тонет в воздухе, то виснет на
ракитах.*

*И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.*

** * **

*Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.*

*А эхо резвое, скользнув по их гу-
бам,
Уносит думы их к неведомым лу-
гам.
Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню
ту.*

1915

«На небесном синем блюде...»

*На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди.
Только я тоской томим.*

*Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.
За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.*

*На болоте кричит цапля,
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.*

*Я хотел бы в мутном дыме
Той звездой поджечь леса
И погинуть вместе с ними,
Как зарница – в небеса.*

<1915>

Греция

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.

Блистательный Патрокл сраженный умирал.

*А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкои.*

Над прахом горестно слетались с плачем сои,

И лунный серп сеть туник прорывал.

Усталый Ахиллес на землю припадал,

Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!

Ты сказка нежная, но я к тебе нежней,

Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха.

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.

Напомни миру сгинувшую Трою,

*И для вандалов пусть чернеют
меч и плаха.*

<1915>

Польша

*Над Польшей облако кровавое по-
висло,
И капли красные сжигают города.
Но светит в зареве былых веков
звезда.
Под розовой волной, вздымаясь,
плачет Висла.*

*В кольце времен с одним оттен-
ком смысла
К весам войны подходят все года.
И победителю за стяг его труда
Сам враг кладет цветы на чашки
коромысла.*

*О Польша, светлый сон в сырой
тюрьме Костюшки,
Невольница в осколках ореола.
Я вижу: твой Мицкевич заряжает
пушки.*

Ты мощною рукой сеть плена рас-
порола.
Пуškai горят родных краев опуш-
ки,
Но слышен звон побед к молеб-
ствию костела.

<1915>

Черёмуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею

*Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.*

<1915>

«Я одену тебя побирушкой...»

Рюрику Ивневу

*Я одену тебя побирушкой,
Подпояшу оструганным лыком.
Упираясь толстою клюшкой,
Уходи ты к лесным повиликам.*

*У стогов из сухой боровины
Шьет русалка из листьев обновы.
У ней губы краснее малины,
Брови черные круче подковы.*

*Ты скажи ей: «Я странник уста-
лый,
Равнодушный к житейским поте-
рям».
Скинь-покинь свой армяк полиня-
лый,
Проходи с нею к зарослям в те-
рем.*

*Соберутся русалки с цветами,
Заведут под гармони гулянку
И тебя по заре с петухами
Поведут провожать на полянку.*

*Побредешь ты, воспрянутый ду-
хом,
Будешь зыкать прибаски на цевне
И навстречу горбатым старухам
Скинешь шапку с поклоном дерев-
не.*

29 марта 1915

**«О дитя, я долго плакал над судьбой
твоей...»**

*О дитя, я долго плакал над судь-
бой твоей,
С каждой ночью я тоскую все
сильней, сильней...*

*Знаю, знаю, скоро, скоро, на зака-
те дня,
Понесут с могильным пенъем хо-
ронить меня...*

Ты увидишь из окошка белый са-

ван мой,
И сожмется твое сердце от тос-
ки немой...

О дитя, я долго плакал с тайной
теплых слов,
И застыли мои слезы в бисер
жемчугов...

И связал я ожерелье для тебя из
них,
Ты надень его на шею в память
дней моих!

<1915>

Город

Храня завет родных поверий —
Питать к греху стыдливый
страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.
Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорузных рыб.
В моей душе так было гулко
В пеленках камня и кремней.
На каждой ленте переулка
Стонал коровий рев теней.
Дрижжали дроги, словно стекла,
В лицо кнутом грозила даль,
А небо хмурилось и блекло,
Как бабья сношенная шаль.
С улыбкой змеяного грешенья
Девичий смех меня манул,
Но я хранил завет крещенья —
Плевать с молитвой в сатану.

Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:

«Забудь, что видел, и беги!»

<1915>

«У крыльца в худой логушке деготь...»

*У крыльца в худой логушке де-
готь.*

*Струи черные расхлябились, как
змейки.*

*Ходят куры черных змей потро-
гать*

*И в навозе чистят клюв свой
клейкий.*

*В колымаге колкая засорень,
Без колес, как лапы, смотрят оси.
Старый дед прямит на втулке
шкворень,*

Словно косу долбит на покосе.

*У погребки с маткой поросята,
Рядом с замесью тухлявая лохан-
ка.*

*Под крылом на былънице измя-
той*

*Ловит вшей расхохленная канка.
Под горой на пойло скачет стадо.
Плачут овцы с хлебистою жов-*

кой.

Голосят пастушки над оградой:
«Гыть кыря!» – и щелкают верев-
кой.

<1915>

Старухи

Под окном балякают старухи.
Вязлый хрип их крошит тишину.
С чурбака, как скатный бисер, му-
хи
Улетают к лесу-шушуну.
Смотрят бабки в черные дубровы,
Где сверкают гашники зарниц,
Подтыкают пестрые поневы
И тарашат веки без ресниц.
«Быть дождю, – решают в пересу-
де, —
Небо в куреве, как хмаровая близь.
Ведь недаром нонче на посуде
Появилась квасливая слизь,
Не зазря прокисло по махоткам
В погребах парное молоко,
И не так гагачится молодкам,
Видно, дышать, бедным, нелегко».
Говорят старухи о пророке,

*Что на небе гонит лошадей,
А кругом в дымнистой заволоке
Веет сырью звонистых дождей.*

<1915>

Разбойник

*Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В чернобылье перелесиц
С кистенем засяду я.*

*У реки под косогором
Не бросай, рыбак, блесну,
По дороге темным бором
Не считай, купец, казну!*

*Руки цепки, руки хватки,
Не зазря зовусь ухват:
Загребу парчу и кадки,
Дорогой сниму халат.*

*В темной роще заряница
Чешет елью прядь волос;
Выручай меня, ножница:
Раздается стук колес.*

Не дознаваться глупым людям,
Где копил-хранил деньгу;
Захотеть – так все добудем
Темной ночью на лугу!

<1915>

Плясунья

Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсыпай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,
Знай прищелкивай, не робь!

Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник – словно снег.

Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.

Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты.

<1915>

Руси

*Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся – далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвую-
щих.*

<1915>

«Занеслись залетною пташкой...»

*Занеслись залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.*

*Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю – ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.*

*В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.*

*А ты из светлого рая,
В ризах белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.*

<1915>

Колдунья

*Косы растрепаны, страшная, белая,
Бегает, бегают, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую
глушь.
Роца грозитя еловыми пиками,
Прячутся совы с пугливыми криками.
Машет колдунья руками костлявыми.
Звезды моргают из туч над дубравами.
Серьгами змеи под космы привешены,
Кружится с вьюгою страшно и бешено.
Пляшет колдунья под звон сосняка.
С черною дрожью плывут облака.*

<1915>

«Наша вера не погасла...»

*Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.*

*Верю, родина, и знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к краю
Богомольная тропа.*

*Все пути твои – в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.*

*Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты – казематы
Да железный звон цепей.*

*Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.*

<1915>

Русалка под Новый год

Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою.
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою
—
Там играют русалочки в жмурки,
—
Изо льда он, а окна-конурки
В сизых рамах горят под слядою.

На постель я травы натаскаю,

*Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взгля-
дом,
Зацелую тебя, заласкаю!*

<1915>

«За горами, за желтыми долами...»

*За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя,
И обвитый крапивой плетень.*

*Там с утра над церковными гла-
вами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными трава-
ми
От озер водяной ветерок.*

*Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.*

*Каждый вечер, как синь затума-
нится,*

Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жи-
теля,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

«Опять раскинулся узорно...»

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливаётся задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынку
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обмашет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе – высокая светлица,
А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе – в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

1916

«Не в моего ты Бога верила...»

*Не в моего ты Бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я.
Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую —
Идти единою тропой.
Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.
Не клонь главы на грудь могущую
И не пугайся вещим сном.
О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом.*

<1916>

«Закружилась пряжа снежистого льна...»

*Закружилась пряжа снежистого
льна,
Панихидный вихорь плачет у ок-
на.
Замело дорогу вьюжным рука-
вом,
С этой панихидой век свой весь
живем.
Пойте и рыдайте, ветры, на тропу,
Нечем нам на помин заплатить
попу.
Слушай мое сердце, бедный чело-
век,
Нам за гробом грусти не слышать
вовек.
Как помрем – без пенья, под вет-
ряный звон
Понесут нас в церковь на мирской
канон.
Некому поплакать, некому ка-
дить,
Есть ли им охота даром прихо-
дить.*

*Только ветер резвый, озорник та-
кой,
Запоет разлуку вместо упокой.*
<1916>

**«Скупились звезды в невидимом
бредне...»**

*Скупились звезды в невидимом
бредне,
Жутко и страшно проснувшейся
бредне.
Пьяно кружуся я в роце помятой,
Хочется звезды рукою памяти.
Блестятся гусли веселого лада,
В озере пенистом моется лада.
Груды упруги, как сочные дули,
Ластится к вихрям, чтоб в кости
ей дули.
Таёт, как радуга, зорька вечерня,
С тихую радостью в сердце вечер-
ня.*
<1916>

«Гаснут красные крылья заката...»

*Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.*

*Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймённые синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.*

*Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.*

*Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.*

*Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить порошам.
И придет она к нашему краю*

Обогреть своего малыша.

*Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.*

<1916>

На память Мише Мурашёву

*Сегодня синели лужи
И легкий шептал ветерок.
Знай, никому не нужен
Неба зеленый песок.*

*Жили и были мы в яви,
Всюду везде одни.
Ты, как весну по дубраве,
Пьешь свои белые дни.*

*Любишь ты, любишь, знаю,
Нежные души ласкать,
Но не допустит нас к раю
Наша земная печать.*

*Вечная даль перед нами,
Путь наш задумчив и прост.*

*Даст нам приют за холмами
Грязью покрытый погост.*

15 марта 1916

«Дорогой дружнице Миша...»

*Дорогой дружнице Миша,
Ты как вихрь, а я как замять,
Сбереги под тихой крышей
Обо мне любовь и память.*

15 марта 1916

Нищий с паперти

*Глаза – как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поет про многи лета.
А вон старушка из угла,
Что слезы льет перед иконой,
Она любовь его была
И пьяный сок в меже зеленой.
На свитках лет сухая пыль.
Былого нет в заре куканьшей.
И лишь обгрызанный костыль
В его руках звенит, как раньше.*

Она чужда ему теперь,
Забывла звонкую жалейку.
И как пойдет, спеша, за дверь,
Подаст в ладонь ему копейку.
Он не посмотрит ей в глаза,
При встрече глаз больнее станет,
Но, покрестясь на образа,
Рабу по имени помянет.

<1916>

«Месяц рогом облако бодает...»

Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зелёному затону
Прибегла она из тростника.
Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула
прыткий,
Опустилась с болью на пенёк.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонёк.
На рассвете с вьющимся туманом

*Уплыла и скрылася вдали...
И кивал ей месяц за курганом,
В голубой купаяся пыли.*

<1916>

«Еще не высох дождь вчерашний...»

*Еще не высох дождь вчерашний —
В траве зеленая вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.*

*Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся му-
же
Хочу постичь твой милый лик.*

*Ты все загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.*

*И если смерть по Божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом по-
ле*

Пойду за смертью и тобой.

<1916>

«В зеленой церкви за горой...»

*В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны молодые были.*

*А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Кольшут крылья херувима.*

*Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою,
Все тот же розовый платок
Затянут смуглою рукою.
Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.*

*И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом жизни.
О, помолись и за меня,*

За бесприютного в отчизне.

Июнь 1916 Константиново

«Даль подернулась туманом...»

*Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.*

*Под окном от скользких вётел
Перепёльи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.*

*Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще мёда пот мужичий.*

*Чей-то мягкий лих за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.*

Июнь 1916

«Слушай, поганое сердце...»

*Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.*

*Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.*

*Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете —
Это одна пустота.*

3 июля 1916

«В глазах пески зелёные...»

*В глазах пески зелёные
И облака.
По кружеву краплёному
Скользит рука.*

*То близкая, то дальняя,
И так всегда.
Судьба её печальная —
Моя беда.*

9 июля 1916

«Небо сметаной обмазано,...»

*Небо сметаной обмазано,
Месяц как сырный кусок.
Только не с пищею связано
Сердце, больной уголок.*

*Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит на зубу.
Жду я веселого, светлого,
Как молодую судьбу.*

Жгуче желания множат

*Душу больную мою,
Но и на гроб мне положат
С квасом крутую кутью.*

9 июля 1916

Исус младенец

*Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
В храме:*

*«Пойте, веселитесь
И за всех молитесь
С нами!»*

*Молятся с поклонами
За судьбу греховную,
За нашу;*

*А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.*

*Подошла синица,
Бедовая птица,*

Попросила:

«Я Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А Боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Не мало».

Замешкались птицы —
Журавли, синицы —
Дождь прочат.

А Боженька в хате
Все теребит Мати,
Есть хочет.

Вышла Богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька, маленький,
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он остороженько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.

И Господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати —
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла не мало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У Белого аиста
Сыночек.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«На вечное время
Собирайте семя
Не мало.

*А Белому аисту,
Что с Богом катается
Меж веток,*

*Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток».*

<1916>

«В багровом зареве закат шипуч и пенен...»

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жиз-*

ни час.

На ложе белом, в ярком блеске
света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят
вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает
грудь.

Все ближе тянет их рукой неодо-
лимой
Туда, где скорбь кладет печать на
лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

<1916>

«Без шапки, с лыковой котомкой...»

*Без шапки, с лыковой котомкой,
Стирая пот свой, как елей,
Бреду дубравною сторонкой
Под тихий шелест тополей.
Иду, застегнутый веревкой,*

*Сажусь под копны на лужок.
На мне дырявая поддевка,
А поводырь мой – подожок.*

*Пою я стих о светлом рае,
Довольный мыслью, что живу,
И крохи сочные бросаю
Лесным камашкам на траву.*

*По лопуху промяты стежки,
Вдали озерный купорос,
Цепляюсь в клейкие сережки
Обвисших до земли берез.*

*И по кустам межю соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов.*

«День ушел, убавилась черта...»

*День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.*

*В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной гу-
бы.*

*С каждым днем я становлюсь чу-
жим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.*

*Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.*

*Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,*

Складки губ и рта переменяла.

*Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет*

<1916>

«Синее небо, цветная дуга...»

*Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.*

*Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос.*

*Край мой! Любимая Русь и Морд-
ва!
Притчею мглы ты, как прежде,
жива.
Нежно под трепетом ангельских
крыл*

*Звонят кресты безымянных мо-
гил.*

*Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сы-
рым.*

*Много мечтает их, сильных и
злых,
Выкусить ягоды персей твоих.*

*Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и
тюрьму...*

*Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.*

<1916>

«Пушистый звон и руга...»

*Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.*

*Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.*

*Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.*

*И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завялый труп.*

<1916–1917>

«Холодней, чем у сколотой проруби...»

*Холодней, чем у сколотой проруби,
Поджидаешь ты томного дня.
Проклевали глаза твои – голуби
Непрощённым укором меня.*

<1916>

«Снег, словно мед ноздреватый...»

*Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.*

*Тихо. От хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склонясь на кудель.*

*Рыжеволосый внучонок
Щупает в книжке листы.
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.*

*Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.*

*С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.*

*И за глухие поклоны
С лика упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга – Дамаскин.*

<1917>

«Есть светлая радость под сенью кустов...»

*Есть светлая радость под сенью
кустов
Поплакать о прошлом родных бе-
регов
И, первую проседь лаская на лбу,
С приятною болью пенять на
судьбу.
Ни друга, ни думы о бабьих губах
Не зреет в ее тихомудрых словах,
Но есть в ней, как вера, живая
мечта
К незримому свету приблизить
уста.
Мы любим в ней вечер, над речкой
овес, —
И отроков резвых с медынью во-
лос.
Стряхая с бровей своих призрач-
ный дым,
Нам сладко о тайнах рассказы-
вать им.
Есть нежная кротость, присев на
порог,
Молиться закату и лику дорог.*

*В обсыпанных рощах, на сжатых
полях
Грустит наша дума об отрочьих
днях.
За отчею сказкой, за звоном
стропил
Несет ее шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных
лугов
Покоится правда родительских
снов.
<1917>*

«Небо ли такое белое...»

*Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.*

*Синим жерновом развеяны и смо-
лоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.*

Не встревожен ласкою угрюмою

Загорелый взмах твоей руки.
Все равно – Архангельском иль
Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палу-
бой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпеваешь тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свесить-
ся
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо ме-
сяца
Отразившийся на облаке тюлень.
1917

О родина!

*О родина, о новый
С златою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревя телком громов.*

*Брожу по синим селам,
Такая благодать.
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.*

*В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.*

*Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.*

*И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиная
За то, что ты мне мать.*

<1917>

«Заметает пурга...»

Заметает пурга
Белый путь,
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

*Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.*

*Утром ворон к березыньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.*

<1917>

«Не пора ль перед новым Посёмьем...»

*Не пора ль перед новым Посёмьем
Отплеснуться вам, слова, от Кая-
лы.
Подымайтесь малиновым граем,
Сполыхните сухояловый омеж,
Скряньте настно белесые обжи,
Оборатуйте кодом Карну.
Что шумит, что звенит за курга-
ном,
Что от нудыша мутит осоку?
Распеваает в лесу лунь-птица,
Причитает над тихим Доном.
Не заря оседлала вечер*

Аksamитником алым, расшитым,
Не туман во степи белеет
Над сукром холмов сохатых —
Оторочилось синее небо,
Осклобляет облако зубы.
Как сидит под ольхой дорога,
Натирает зелёные скулы,
Чешет пуп человеческим шагом...

<1917>

Сельский часослов

Вл. Чернявскому

<1>

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть зака-

та.

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги —
Покров моей родины —
Рвут на части.

На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воеет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,
Точит клюв на глаза-озёра.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:
ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ.

2

О месяц, месяц!
Рыжая шапка моего деда,
Закинута озорным внуком на
сук облака,
Спади на землю...

Прикрой глаза мои!
Где ты...
Где моя родина?
Лыками содрала твои дороги
Буря,
Синим языком вылизал снег твой
—

Твою белую шерсть —
Ветер...

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды
С овсом золотистым.

О, путай, путай!
Путай все, что видишь...
Не отрекусь принять тебя даже
с солнцем,

Похожим на свинью...
Не испугаюсь просунутого пяточ-
ка его

В частокол
Души моей.
Тайна твоя велика есть.
Гибель твоя миру купель

Предвечная.

3

О красная вечерняя заря!
Прости мне крик мой.
Прости, что спутал я твою Мед-
ведицу
С черпаком водовоза.

Пастухи пустыни —
Что мы знаем?..

Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю Библию да сказки,
Только знаю, что поет овес при
ветре...
Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.

Но постиг я...
Верю, что погибнуть лучше,
Чем остаться
С содранною
Кожей.

Гибни, край мой!

Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

4

О звезды, звезды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском

На молитвенник зари,
Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,
О какой я пропел вам
Смерти.

Радуйся,
Земля!

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе

Родит она...

Имя ему —

Израмистил.

Пой и шуми, Волга!

*В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.*

Не говорите мне,

Что это

В полном круге

Будет всходить

Луна...

Это он!

Это он

Из чрева Неба

Будет высовывать

Голову...

<1918>

«И небо и земля все те же...»

*И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.*

*Не огражу мой тихий кров
От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать стра-
данью
Езекиильский глас ветров.*

*Шуми, шуми, реви сильнее,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй сребристых окуней.*

<1918>

«Не стану никакую...»

*Не стану никакую
Я девушку ласкать.
Ах, лишь одну люблю я,
Забыв любовь земную,
На небе Божью Мать.*

*В себе я мыслить волен,
В душе поет весна.
Ах, часто в келье темной
Я звал Ее с иконы
К себе на ложе сна.*

*И в час, как полночь било,
В веселый ночи мрак
Она как тень сходила
И в рот сосцы струила
Младенцу на руках.*

*И, сев со мною рядом,
Она шептала мне:
«Смирись, моя услада,
Мы встретимся у сада
В небесной стороне».*

<1918>

Акrostих «Рюрику Ивневу»

Радость, как плотвица быстрая,
Юрко светит и в воде.
Руки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
Кайся нивам и черемухам, –
У живущих нет грехов.
Из удачи зыбы промаха
Воют только на коров.
Не зови себя разбойником,
Если ж чист, так падай в грязь.
Верь – теленку из подойника
Улыбается карась.

Утро, 21 января 1919

«В час, когда ночь воткнет...»

*В час, когда ночь воткнет
Луну на черный палец, —
Ах, о ком? Ах, кому поет
Про любовь соловей-мерзавец?*

*Разве можно теперь любить,
Когда в сердце стирают зверя?
Мы идем, мы идем продолбить
Новые двери.*

*К черту чувства. Слова в навоз,
Только образ и мощь порыва!
Что нам солнце? Весь звездный
обоз —
Золотая струя коллектива.*

*Что нам Индия? Что Толстой?
Этот ветер что был, что не был.
Нынче мужик простой
Пялится ширьше неба.*

<Январь 1919>

«Вот такой, какой есть...»

*Вот такой, какой есть,
Никому ни в чем не уважу,
Золотою плету я песнь,
А лицо иногда в сажу.*

*Говорят, что я большевик.
Да, я рад зауздать землю.
О, какой богомаз мой лик
Начертил, грозовице внемля?*

*Пусть Америка, Лондон пусть...
Разве воды текут обратно?
Это пляшет российская грусть,
На солнце смывая пятна.*

Ф<евраль> 1919

«Ветры, ветры, о снежные ветры...»

*Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.*

*Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.*

*Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.*

*Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.*

<1919–1920>

«При луне хороша одна...»

*При луне хороша одна,
При солнце зовёт другая.
Не пойму я, с какого вина
Захмелела душа молодая?*

<До 1919>

Песнь о хлебе

*Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл – страдания лю-
дей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.*

*Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как жел-
тый труп.*

*На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп –
овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,*

Чтит возница погребальный чин.

*А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.*

*Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице – зубами
В рот суют те кости обмолоть.*

*И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы
класть.*

*Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмя-
ный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.*

*И свистят по всей стране, как
осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,*

Как под горло режут лебедей.

1921

Памяти Брюсова

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.

*Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!*

*Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.*

*Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!*

<1924>

«Заря Востока»

*Так грустно на земле,
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сем мире
Большевики нарочно завели.*

*Из книг мелькает лермонтов-
ский парус,
А в голове паршивый сэр Керзон.
«Мне скучно, бес!» —
«Что делать, Фауст?»*

Таков предел вам, значит, положен.

Ирония! Вези меня! Вези!

Рязанским мужиком прищуривая
око,

Куда ни заверни – все сходятся
стези

В редакции «Зари Востока».

Приятно видеть вас, товарищ
Лившиц,

Как в озеро, смотреть вам в доб-
рые глаза,

Но, в гранки мокрые вцепившись,
Засекретарился у вас Кара-Мурза.

И Ахобадзе!.. Други, будьте глухи,
Не приходите в трепет, ни в вос-
торг, —

Финансовый маэстро Лопатухин
Пускается со мной за строчки в
торг.

Подохнуть можно от незримой
скуки.

В бумажном озере навек бы уто-
нуть!

Мне вместо Карпов видятся все

щуки,
Зубами рыбьими тревожа мозг и
грудь.

Поэт! Поэт!
Нужны нам деньги. Да!
То туфли лопнули, то истрепалась шляпа,
Хотя б за книжку тысячу дал Ви-
рап,
Но разве тысячу сдерешь с Ви-
рапа.

Вержбицкий Коля!
Тоже друг хороший, —
Отдашь стихи, а он их в самый
зад,
Под объявления, где тресты да га-
лоши,
Как будто я галошам друг и брат.

Не обольщаюсь звоном сих рега-
лий,
Не отдаюсь ни славе, ни тщете,
В душе застрял обиженный Бен-
Гали
С неизлечимой дыркой в животе.

*Дождусь ли дня и радостного срока,
Поправятся ль мои печальные дела?
Ты восхитительна, «Заря Востока»,
Но «Западной» ты лучше бы была.*
<1924>

Воспоминание

*Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.*

*Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
«Над омраченным Петроградом».*

*Уже все чуяли грозу.
Уже все знали что-то.
Знали,*

Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.

Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.

И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом пушечным с «Авроры»
Взошла железная заря.

Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

<1924>

Льву Повицкому

Старинный друг!
Тебя я вижу вновь
Через долгую и хладную
Разлуку.
Сжимаю я
Мне дорогую руку
И говорю, как прежде,
Про любовь.

Мне любо на тебя
Смотреть.
Взгрустни
И приласкай немного.
Уже я не такой,
Как впредь —
Бушуйный,
Гордый недотрога.

Перебесились мы,
Чего скрывать?
Уж я не я...
А ты ли это, ты ли?
По берегам
Морская гладь —
Как лошадь

Загнанная, в мыле.

*Теперь влюблен
В кого-то я,
Люблю и тщетно
Призываю,
Но все же
Точкой корабля
К земле любимой
Приплываю.*

<1924>

Цветы

I

*Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.*

*Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

II

Весенний вечер. Синий час.

Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шумы, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шумы, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! Не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем.

Не всякий, длани кто простёр,
Поймать сумеет долю злую.

*Как бабочка – я на костёр
Лечу и огненность целую.*

V

*Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.*

*Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю.
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.*

VI

*И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.*

*Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.*

VII

*Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошёл я мимо.*

*Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.*

*Неповторимы ты и я.
Помрём – за нас придут другие.
Но это всё же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.*

VIII

*Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидать больше близко
Её лицо, любимый край.*

*Ну что ж! пускай не увидать.
Я поражён другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.*

IX

*А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.*

*Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?*

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но всё же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но всё же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

*И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что всё на свете повторимо.*

*И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.*

<1924>

Батум

*Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.*

*Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская*

Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра
Иль Марсея
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе – нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький,
Может быть,
Мисс Митчел
Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,

Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Слышен свист, —
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синее
Весь Батум.
Даже море кажется мне

Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

1924

Как должна рекомендоваться Марина

*Скажу Вам речь не плоскую,
В ней все слова важны:
Мариной Ивановскою
Вы звать меня должны.*

*Меня легко обрамите:
Я маленький портрет.
Сейчас учусь я грамоте,
И скоро мне шесть лет.*

*Глазёнки мои карие
И щёчки не плохи,
Ах, иногда в ударе я
Могу читать стихи.*

*Перо моё не славится,
Подчас пишу не в лад,
Но больше всего нравится
Мне кушать «шыколат».*

1924, январь, 1

«Пускай я порою от спирта вымок...»

*Пускай я порою от спирта вымок,
Пусть сердце слабеет, тускнеют
очи,
Но, Гурвич! взглянувши на этот
снимок,
Ты вспомни меня и «Бакинский ра-
бочий».*

*Не знаю, мой праздник иль худ-
ший день их,
Мы часто друг друга по-сучьи ла-
ем,
Но если бы Фришберг давал нам
денег,
Тогда бы газета была нам раем.*

25 апреля 1925 Баку

«Вижу сон. Дорога черная...»

*Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только не любимая.*

*Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.*

*Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.*

*Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прить,
Чтобы сердцем не остыть,*

*За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.*

2 июля 1925

Капитан Земли

*Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он
С рукой своей воздетой
Сказал, что мир —
Единая семья.*

*Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.*

*Не то что мы,
Которым все так*

Близко, —
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,

Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он – рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия – его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами

*Споет вам песни
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.*

*Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».*

17 января 1925 Батум

«Я помню, любимая, помню...»

*Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос...
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.*

*Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней...
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.*

Я помню, ты мне говорила:

*«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».*

*Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.*

*И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.*

<1925>

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.*

*Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.*

*Я – беспечный парень. Ничего не
надо.
Только б слушать песни – сердцем
подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая
стать.*

*Выйду за дорогу, выйду под откосы —
Сколько там нарядных мужиков
и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы...
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль
не слаб?»*

На земле милее. Полно плавать в

небо.

Как ты любишь доли, так бы
труд любил.

Ты ли деревенским, ты ль кре-
стьянским не был?

Размахнись косою, покажи свой
пыл».

Ах, перо – не грабли, ах, коса – не
ручка, —

Но косою выводят строчки хоть
куда.

Под весенним солнцем, под весен-
ней тучкой

Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм
английский.

Что же, дайте косу, я вам пока-
жу —

Я ли вам не свойский, я ли вам не
близкий,

Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне
кочки.

Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные

*строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.*

*В этих строчках – песня, в этих
строчках – слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая
корова,
Отдавая плату теплым моло-
ком.*

<1925>

«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...»

*Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.*

*Тот же месяц, только чуть по-
шире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.*

*Ночи теплые, – не в воле я, не в си-
лах,*

Не могу не прославлять, не петь
их.

Так же девушки здесь обнимают
милых
До вторых до петухов, до тре-
тых.

Ах, любовь! Она ведь всем знако-
ма,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее собираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду

Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят зем-
лю,
Что она пропахла петухами.

<1925>

Стихи на случай. Частушки

«Пророк» мой кончен, слава Богу...»

*«Пророк» мой кончен, слава Богу.
Мне надоело уж писать.
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.*

<1913>

«Перо не былъница...»

*Перо не былъница,
Но в нем есть звон.
Служи, чернильница,
Лесной канон.
О матери вечная,
Святой покров.
Любовь заречная —
Без слов.*

6 октября 1915

«Любовь Столица, Любовь Столица...»

*Любовь Столица, Любовь Столи-
ца,
О ком я думал, о ком гадал.
Она как демон, она как львица, —
Но лик невинен и зорьно ал.*

<1915>

Частушки (О поэтах)

*Я сидела на песке
У моста високова.
Нет лучше из стихов
Александра Блокова.*

*Сделала свистулечку
Из ореха грецкого.
Веселее нет и звонче
Песен Городецкого.*

*Неспокойная была,
Неспокой оставила.
Успокоили стихи
Кузмина Михаила.*

Шел с Орехова туман,
Теперь идет из Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Клюева.

Дуют ветры от реки,
Дуют от околицы.
Есть и ситец и парча
У Любви Столицы.

Заливается в углу
Таракан, как пеночка.
Не подумай, что растешь,
Таня Ефименочка.

Ах, сыпь, ах, жарь,
Маяковский – бездарь.
Рожка краской питана,
Обокрал Уитмана.

Пляшет Брюсов
Не мышом, а крысиной.
Дяди, дяди, я большой,
Скоро буду с лысиной.

<1915–1917>

«Ох, батюшки, ох-ох-ох...»

*Ох, батюшки, ох-ох-ох,
Есть поэт Мариенгоф.
Много кушал, много пил,
Без подштанников ходил.*

*Квас сухарный, квас янтарный,
Бочка старо-новая.
У Васятки у Каменского
Голова дубовая.*

<1918–1919>

**«Не надо радости всем ласкостям
дешевым...»**

*Не надо радости всем ласкостям
дешевым,
Я счастлив тем, что выпил с Му-
рашевым.*

Пасха. 1916

«Не стихов золотая пена...»

*Не стихов золотая пена
И не Стенькина молва, —
Пониковская Елена
Тонко вяжет кружева.
Лес в них запутался,
Я – закутался.*

1918

«Если будешь...»

*Если будешь
Писать так же,
Помирай лучше
Сейчас же!*

1924

«За все...»

*За все,
что минуло, —
Целую в губы
Сокола милого.*

1924

«Эх, жизнь моя...»

*Эх, жизнь моя,
Улыбка девичья.
За Гольдшмита пьем
И за Галькевича.*

*Будет пуст стакан,
Как и жизнь пуста.
Прижимай, Муран,
Свой бокал к устам.*

5 октября 1924 Баку

«Милая Параскева...»

*Милая Параскева,
Ведь Вы не Ева!
Всякие штуки бросьте,
Любите Костю.
Дружбой к Вам нежной осенен,
Остаюсь – Сергей Есенин.*

*P.S.
Пьем всякую штуку.
Жму Вашу руку.*

1924

Клавдии Александровне Любимовой

*Из всякого сердца вынется
Какой-нибудь да привет.
Да здравствует именинница
На много лет!*

*Я знаю Вас очень недавно,
Клавдия Александровна,
Но жить Вам – богатеть,
Кунеть да – мохнатеть!*

*К следующему году —
Прибавок к роду.
А через два годы, —
Детей, как ягоды.*

<1924>

«Калитка моя...»

*Калитка моя
Бревенчатая.
Девки, бабы
Поют о весне.*

*Прыгает грач
Над пашнею.
Проклинайте вы все
Долю вчерашнюю.*

*Довольно гнуть
Спины.
Я встретился с ней
У овина.*

*Говорил ей словами
О своей судьбе.
Умиравшая деревня,
Вечная память тебе.*

1924–1925

«Никогда я не забуду ночи...»

*Никогда я не забуду ночи,
Ваш прищур, цилиндр мой и диван.
И как в Вас телячьи пучил очи
Всем знакомый Ванька и Иван.*

*Никогда над жизнью не грустите,
У неё корявых много лап.
И меня, пожалуйста, простите
За ночной приبلудный пьяный
храп.*

19 марта 1925

«Самые лучшие минуты...»

*Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее взоры, как синие дверцы,
В них любовь моя,
в них и сердце.*

12 июня 1925

«Милый Вова...»

*Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«Жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.*

26 июля 1925

«Пил я водку, пил я виски...»

*Пил я водку, пил я виски,
Только жаль, без вас, Быстрицкий.*

*Нам не нужно адов, раев,
Только б Валя жил Катаев.*

*Потому нам близок Саша,
Что судьба его как наша.*

1925

«И так всегда. За пьяною пирушкой...»

*И так всегда. За пьяною пируш-
кой,
Когда свершается всех дней круго-
ворот,
Любой из нас, приподнимая круж-
ку,
В нее слезу нечаянно прольет.*

*Мы все устали. Да, устали очень.
И потому наш голос за тобой —
За васильковые, смеющиеся очи*

Над недовольною и глупою судьбой.

<Октябрь 1925>

Примечания

Пожалуйста (*англ.*).

[^^^]

2

Бизнесмены, деловые люди (*англ.*).

[^^^]

Блеф, обман (*англ.*).

[^^^]